

Amos
30-1-29

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ШЕЙХ МУСЛИХ-ЭД-ДИН
СААДИ ШИРАЗСКИЙ

РОД. 1184 — УМ. В КОНЦЕ XIII ВЕКА.

ГУЛИСТАН
ИЗБРАННЫЕ РАССКАЗЫ

ПЕРЕВ. Е. БЕРТЕЛЬСА
ПРЕДИСЛОВИЕ С. Ф.
ОЛЬДЕНБУРГА

БЕРЛИН
MCMXXII

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Персидская литература богата замечательными произведениями: ее поэты чаруют и прелестью стиха, и дивными образами, и глубиной содержания, — всем, чем чарует нас поэзия. Среди ее главных поэтов есть один, который стоит особняком, совершенно особенной простотою и общедоступностью: его читают дети в школах, его стихи повторяют на базарах и больших дорогах, в его же поэмах тонкие ценители прекрасного, которых всегда было не мало в Персии, ищут семьдесят два смысла, какие в них, по персидской поговорке, заключены. Всюду, где раздается персидская речь, славится имя этого поэта — Саади.

Если персы чтут и читают своих поэтов, то, к сожалению, они мало интересуются подробностями их жизни, и потому о жизни Саади мы знаем очень мало, притом главным образом то, что в виде случайных замечок разбросано в его произведениях. Однако, несмотря на это, образ Саади чрезвычайно ясен, также, как и ход его жизни.

Шейх Муслих-Эд-Дин Саади, — таково полное имя поэта, — родился в 1184 году в Ширазе, в юго-западной Персии. Шираз — один из красивейших городов Персии, где в декабре цветут

розы, жасмины, гиацинты и в темной листве блестят золотые апельсины. Не даром Саади так часто и с такой любовью описывает родной Шираз, о котором он никогда не забывал:

«Утренний ветер и земля Шираза — огонь,
Кого он охватит, тот уже не знает покоя».

Детство Саади, видимо, было счастливое и потому явилось источником того ясного и простого отношения к жизни, которое отличает поэта. Отец его, Абдуллах, состоял на службе правителя — Атабека — провинции Фарс, Саада Зенги, в честь которого поэт и принял имя Саади: он воспитывал сына с любовью, но и со строгостью; помня о ней, поэт неоднократно говорит в сочинениях своих о пользе строгости в деле воспитания. Детские воспоминания поэта — картинки жизни, и мы приведем некоторые целиком.

«Помню я, как отец подарил мне золотое кольцо. Какой-то продавец выманил его у меня за финик; ребенок ценности кольца не знал и легко променял его на сладость». Саади прибавляет нравоучение: «Не знаешь ты, как драгоценна жизнь, которую ты отдал сладострастью».

«Помню я, что в детстве был очень набожным, бодрствовал по ночам, был склонен к воздержанию и отшельничеству. Как-то ночью прислуживал я отцу и всю ночь не смыкал глаз и обнимал Коран. Вокруг нас все спали. Сказал я отцу: «Никто из них даже головы не поднимет, чтобы совершить молитву; так крепко спят они, что скажешь — это мертвецы». Отец мой сказал: «Душа моя, лучше бы было, если бы и ты спал, чем хулить других».

«Ребенком пошел я однажды с отцом на праздник. Дивился всему и затерялся в толпе. В страхе и смятении я закричал. Нашел меня отец и разбранил: «Сколько раз, смельчак, надо тебе повторять, чтобы ты держался за мое платье». «Ребенок один итти не может, трудно итти по дороге, которой не знаешь. И ты — дитя на пути, иди и держись крепко за полу благочестия», прибавляет Саади в правоучение.

Есть у него и трогательное воспоминание о матери: «Как-то раз крикнул я из юношеской глупости на мать. Огорчилась она, села в угол и, рыдая, сказала: «Забыл ты разве детство, что теперь грубишь?»

Сыну прекрасно сказала старуха,
Видя, что стал он силен и могуч:
«Разве забыл ты счастливое детство?
Я на руках ведь носила тебя...
В те времена ты б меня не обидел,
Стал ты героем — стара стала я».

(Перевод Бертельса.)

Так прошло счастливое детство и юность и настало время для занятий в высшей школе. Саади отправился, мы не знаем при каких обстоятельствах, в Багдад, в знаменитую высшую школу, основанную во второй половине XI века. Юноша много работал и, благодаря выдающимся способностям, выдвинулся среди товарищей, вследствие чего был приглашен в помощники преподавателя. Об этом времени его жизни, особенно важном для выработки характера, у Саади сохранился ряд воспоминаний. Студент уже обладает всеми теми чертами, какие мы встретим потом в молодом поэте и в старике. Саади,

повидимому, умел соединять с юных лет большую вдумчивость и склонность к созерцанию с большой жизненностью и житейской наблюдательностью. Он сам в одном из своих стихотворений говорит, что «сущность его — давать советы». Сперва он любил выслушивать добрые советы мудрых людей, а потом постепенно, накопив знания и продумав их, он сам стал давать советы, облекая их в форму изящных рассказов, притч, изречений в стихах и прозе.

Мы не знаем точно, когда Саади начал писать, но, вероятно, первые его попытки относятся еще к пребыванию в высшей школе. В это время он любил веселье и пировал в кругу товарищей. Мы знаем, что несмотря на возражения строгого учителя, он увлекался музыкой; его сочинения показывают нам большой интерес к живописи: в его время персидская живопись уже находилась под влиянием китайского искусства, о котором не раз говорит и Саади.

Что Саади, по крайней мере в юные годы, отличался большою сердечной отзывчивостью и был полон нежных чувств, об этом говорят многие его стихотворения. Временами, под влиянием переживавшихся утрат — мы знаем о глупости его поразившей смерти молодого товарища и друга — у Саади появляется тяжелое раздумье относительно жизни, и тогда мы чувствуем, что в нем усиливается стремление к религиозной мистике, которая в Персии была представлена суфиями. Суфии были пантеисты — всебожники, для них бог проникал все, был всем, душою мира, к единению с которой стремились отдельные души людей. Мы не знаем, вправе ли мы считать Саади вполне суфием, но несомненно, что идеи суфиев были ему близки и дороги, и к

самим суфиям он стоял близко и дружил с многими из них. Таков приблизительно облик молодого Саади, вернувшегося из высшей школы в Багдаде на родину в Шираз. Сколько времени он пробыл здесь, мы не знаем точно, не знаем и чем он занимался.

Азия в те годы переживала большие политические бури: под влиянием нашествий монголов падали одни царства и создавались другие; по картинному выражению Саади «мир пришел в беспорядок, как волосы эфиопа»; «люди стали подобно волкам». Саади говорит, что такое положение дел на его родине, в Ширазе, заставило его скитаться по чужим землям. Если это даже и было так, то, несомненно, были к тому и другие личные причины, о которых мы ничего не знаем, но которые сделали Саади странником и притом, повидимому, на несколько десятилетий, так как в Шираз он вернулся, вероятно, только к пятидесятым годам XIII столетия.

Когда мы из отдельных замечаний Саади, разбросанных по его произведениям, стараемся восстановить картину его странствований, то нас поражает громадность тех трудностей, какие он преодолел, ибо в те времена путешествия были делом чрезвычайно трудным, а Саади прошел страны от Восточного Туркестана и Индии на востоке до Северной Африки на западе. Дорожник странствований поэта не восстановим, ибо мы для этого не имеем никакой руководящей нити; мы только приблизительно можем догадываться о том, из каких стран в какие он переходил. Мы не знаем, что побуждало его к выбору того или иного местопребывания, и почему он их менял. Мы можем только догадываться о том, что вероятно большая любознательность побудила Саади

к странствованиям: Саади был большой сердцевед, и его всегда глубоко интересовали люди, их поступки и побуждения, и потому, вероятно, ему и хотелось сравнивать людей разных стран и народов. Вывод, который он сделал из этих сравнений, если судить по его сочинениям, тот, что люди всех народов и стран мало чем друг от друга отличаются: одинаково, как ему казалось, и любят и ненавидят. Нас не должен удивлять этот вывод, если мы примем в соображение, что Саади не старался углублять своих наблюдений; он брал обыкновенно человека в простейших проявлениях его природы, брал то, что мы бы теперь назвали средним человеком. Саади смотрел на людей и на жизнь чрезвычайно трезво; в этом, может быть, тайна его необыкновенной популярности. Громадный жизненный опыт, чрезвычайно многосторонний, вызывал большое доверие к поэту: чувствовалось, что Саади действительно знал очень многих и весьма разных людей и знал их хорошо, так как преодолевал постоянно преграды чужих языков и наречий; персидский он знал в совершенстве, увлекаясь и его наречиями и говорами; арабский знал прекрасно и писал арабские стихи; так же он знал хиндустани, основной язык современной ему Индии, и, повидимому, писал на нем стихи. Вероятно, он знал и турецкий и, может быть, монгольский, кроме того, имел представление и о целом ряде других языков.

Из личной жизни Саади мы за это время знаем немного: он был, повидимому, несколько раз женат: странствующие мусульмане часто женятся в разных посещаемых ими городах, обыкновенно разводясь при отъезде. Он упоминает, как был выкуплен из плена у франков в Триполи мусуль-

манином, женившимся его на своей дочери в Алеппо. Брак был несчастный. В Йемене, в Аравии, он был тоже женат и здесь потерял сына-младенца, памяти которого посвятил несколько трогательных и прекрасных стихов. Отец стоит, тоскуя перед могилой мальчика, его пугает тьма гробницы, и ему кажется, точно детский голос говорит:

«Если перед мраком ты в ужасе стоишь,
Смотри, чтобы тебе туда войти со светом».

И поэт прибавляет:

«Если ты хочешь, чтобы ночь могилы была
как день светла,
Свет добрых дел твоих зажги».

Если странствования принесли Саади большой опыт и знание человеческой природы, то они все же оставили его тем узко правоверным мусульманином, каким он был, повидимому, еще в юности; суфизм, видимо, мало дал ему религиозной широты и терпимости. Ему ненавистно и непонятно то, что он считает идолопоклонничеством в Индии. Он равно презирает христиан и евреев:

«Если вода в пруду христианском и не чиста,
Еврейский труп омыть я ею не стеснюсь».

В этом отношении Саади был вполне средним человеком своей среды и своего времени; но на его же родине чуткие поэты, проникнутые страстным исканием истины и потому глубоко терпимые к тем, кто своими путями искал эту истину, говорили:

«Всякое сердце, в котором зажжен свет любви,—
Молится ли оно в мечети или в синагоге, —

Имя его записано в книге любви
И свободно оно от страха ада и от мечты о рае».

Время шло. Не раз уже тоска по родине мучила поэта на далекой чужбине. К сожалению, и тут, как и по отношению к отъезду из Шираза, мы не знаем, что было непосредственной причиной возвращения Саади.

Вернулся он на родину стариком, но бодрым, свежим и жизнерадостным. В Ширазе в это время жилось хорошо, благодаря мудрому управлению сына первого покровителя поэта Абу-Бекра; этот правитель сумел не только водворить порядок внутри страны, но и уплатою дани монголам сохранить ее от их посягательств.

Возвратившись в Шираз, Саади приступил к написанию двух главных своих произведений: «Бустану» («Плодовый сад»), в стихах, и «Гулистану» («Цветник роз»), в прозе и стихах. Первая книга окончена в 1257 году, вторая в 1258 году. Нечего удивляться этой быстроте работы, творчества. Саади был опытным художником слова, в совершенстве владевшим формой и много уже написавшим; к тому же, он во время странствований вел записи, которые и использовал: слишком уже живы некоторые из его рассказов, чтобы можно было предположить, что они написаны на память, через много лет. Годы старости Саади провел в кругу друзей, на родине, в почете и известности. Но слава мало повлияла на Саади: мы видим его и в эти годы тем же скромным созерцателем и вдумчивым участником жизни, тем же неизменным советчиком, учителем житейской мудрости, что и прежде, также трезвым, но и также доброжелательным и внимательным к людям. Теперь особенно ярко сказалось то, что осо-

бенно замечательно в Саади: несмотря на свой великий талант, он был средним человеком. Мы не видим в нем страстного богоискательства суфиев с их широкой терпимостью и требованиями высокой отшельнической нравственности. Саади понимал суфиев, но для него они были недостаточно уравновешены. Если, с одной стороны, ему были чужды поэты-богоискатели, то столь же чужды были его трезвому уму поэты, увлекавшиеся земною любовью или мирскою славой и почестями. Он не избегал общения с великими мира сего, но и не искал его. Мы не найдем у него низкой лести, которая часто так уродует произведения даже великих персидских поэтов. Спокойно он идет своим срединным путем, говоря о нравственности и о благоразумии.

Часто нам, и притом справедливо, может показаться, что мораль его произведений как будто низменная; нас временами возмущает то спокойствие, с которой он передает отвратительные проявления самых грубых человеческих страстей. Но впечатление это не будет правильным, если мы истолкуем его как сочувствие. Саади этим отрицательным явлениям: глубокий сердцевед, он знает хорошее и дурное, он знает, что где есть розы, там непременно будут и шипы, где добро, там и зло, и он не боится говорить о зле: он настолько уверен, что его читатель знает его основные взгляды на то, как должен жить человек, что считает излишним при каждом рассказе давать свое толкование — похвалу или порицание. Нам, может быть, иногда хотелось бы услышать из уст большого поэта что-нибудь «возвышенное», подобное тем красотам чувства и мысли, которыми так богаты персидские поэты-суфии. Но Саади сознательно берет жизнь как

она есть, и считает, что не дело поэта постоянно морализировать и говорить о том, какою жизнь должна была бы быть. Как восточный поэт, он уверен, что его читатель будет читать его внимательно, поймет его основное отношение к жизни и не припишет ему сочувствия дурному и отвратительному только потому, что он не подчеркнул своего несочувствия.

Временами Саади овладевает особое вдохновение, он отходит на время от обыденного и становится действительно великим — творцом прекрасного, вечного.

Мы не знаем точно ни времени, ни обстоятельств смерти Саади: он умер, по всей вероятности, столетним слишком старцем в конце XIII века. Его похоронили возле самого Шираза, и могила его существует до сих пор. Теперь могила Саади сильно запущена, как и большинство исторических памятников Персии, но и в наши дни и персы и иностранцы посещают могилу шейха-учителя в милом ему Ширазе, где, как и семьсот лет тому назад, цветут его любимые розы.

«Гулистан» был написан, как уже сказано, в 1258 году, и Саади сам рассказывает повод к его написанию в изящном введении к книге. Саади стал чувствовать старость, ему начало казаться, что жизнь его прошла пусто и бессодержательно, и он решил остаток дней посвятить Богу, занимаясь созерцанием и размышлениями о божественном, вдали от мира, в одиночестве. Пришел к нему друг, которого он, погруженный в размышления о Боге, встретил против прежнего обыкновения полным молчанием. Пораженный друг начал ему горячо доказывать, что такие люди, как

Саади, которым есть столько сказать хорошего и полезного людям, не имеют права молчать. Друг увлек затем Саади в сад, где цвели розы, — был апрель, — соловьи пели в кустах, а на цветах блестяли капли росы, многоцветные тюльпаны, как ковром, покрывали землю. И, как часто это бывало с Саади, природа оживила его, любимые цветы — Саади особенно любил розы — вернули его к мыслям о земной жизни. Далее рассказ введения в «Гулистан» изложен таким образом, что трудно сказать, отражает ли он действительно происшедшее или же является только поэтическим вымыслом. Во всяком случае он говорит нам о намерениях Саади при составлении его книги, а потому мы окончим этот рассказ. Однажды друг его набрал в саду цветов и собирался нести их в город. Саади сказал ему на это, что цветы, которые он уносит, и те, что остались в цветнике, скоро завянут, и затем прибавил, что может создать «Цветник Роз» — книгу, листы которой не смог бы уж развеять ветер осенний и в которых радости весны не сменяются, как здесь в саду, разорением осени. Обрадованный друг говорит: «Благородный человек, когда что-либо обещает, держит свое обещание». Саади после этого быстро принимается за работу, в несколько дней написав две главы. Повидимому, это были две последние главы книги. Розы еще не все отцвели в саду, когда был готов весь «Цветник Роз».

Рассказ Саади близок, вероятно, к тому, что происходило в действительности; чувствуется, что «Гулистан» написан сразу, что отдельные части его сплочены в одно единообразное целое. Глав восемь, повидимому, в соответствии с восемью вратами мусульманского рая. Недаром главы называются «вратами» — «баб». Вот их

название: 1. О поведении царей. 2. О правах дerviшей. 3. О превосходстве довольства. 4. О пользе молчания. 5. О любви и молодости. 6. О слабости и старости. 7. О влиянии воспитания. 8. О правилах общежития. Кроме последней главы, они состоят из небольших рассказов: воспоминаний и впечатлений из путешествий Саади и из исторических и житейских анекдотов, рассказанных с целью поучения. Глава 8-ая состоит из правоучительных изречений и почти не имеет рассказов.

Если вообще позволено гадать там, где мы не имеем точных и несомненных современных сведений, то можно было бы сказать, что «Гулистан» сперва был задуман по плану 8-й главы, но затем живому и замечательному рассказчику Саади показались скучными эти правоучения и наставления без жизненных картин; остальные главы он оживил рассказами. Это действительно рассказы, переданные с мастерскою простотою, украшенные, точно жемчужинами, изящными стихами.

Саади с гордостью указывает, что он не заимствует у других поэтов, зато в «Гулистане» мы находим ряд стихов, известных нам и из других произведений самого Саади — здесь поэт следует привычке всех вообще больших поэтов, которые любят повторять особенно излюбленные ими слова, выражения, образы.

С «Гулистаном» Европа познакомилась сравнительно рано: уже в XVII веке появился сперва французский перевод, потом латинский — одного немецкого ученого и затем немецкий — известного путешественника в Персию, Олеария, проехавшего в эту страну через Россию. Перевод Олеария еще в XVII веке был переведен на русский язык, но в печати полный русский перевод «Гулистана», сделанный Холмогоровым, появился

только в XIX столетии. Перевод этот, несколько тяжеловатый, ныне устарел. Потому и сделан новый перевод, но уже в выдержках, достаточно, однако, обширных, чтобы дать полное представление о знаменитом «Цветнике Роз», широко известном не только на востоке, но и на западе, и переведенном на большое число самых разных языков.

С. Ольденбург.

ГУЛИСТАН.

Глава первая.

О свойствах царей.

Один из царей Хорасана¹⁾ увидел во сне султана Махмуда Себуктегина²⁾ через сто лет после его смерти. Все тело его уже разложилось и превратилось в прах, только глаза вращались. Все ученые были бессильны истолковать этот сон, кроме одного дервиша³⁾, который почтительно поклонился царю и сказал: «Ему смотреть осталось, что царство другим досталось».

Много людей именитых закопано в землю,
А на земле и следа уж от них не осталось.
Черви точили их падаль в глубокой могиле,
Нынче в земле и костей уж от них не осталось.
Имя живет Нуширвана⁴⁾ и славен он благом,

¹⁾ Хорасан — одна из провинций Персии.

²⁾ 5-ый государь династии Газневидов, основавший могущество этого рода. Правил с 977 по 997 гг. по Р. Х.

³⁾ Дервиши — нечто вроде нищенствующих монахов, соединяющих суровый аскетизм с научными познаниями в отношении религии.

⁴⁾ Нуширван или Ануширван — справедливый 21-ый царь из династии Сасанидов, при котором Персия достигла высокого расцвета. Царствовал от 531 до 579 г. по Р. Х.

Хоть и следа от него уж давно не осталось.
Делай добро, человече, и пользуйся жизнью,
Иначе скажут: «Его и следа не осталось».

* * *

Захворал на старости один из арабских царей и исчезла надежда на жизнь его. Внезапно вошел в дверь гонец и принес радостную весть, что завоевали для счастья царя такую-то крепость, взяли в плен врагов, а все войско и подданные той страны приведены в повиновение приказу царскому. Царь, услышав эти слова, испустил вздох отчаяния и сказал: «Не мне эта радостная весть, но врагам моим — наследникам царства».

В такой, увы, надежде вся жизнь моя прошла;
Мечтал я, что желанья, свершатся, наконец.
Свершились все желанья, но только пользы нет—
Могу ль питать надежду отсрочить свой конец?

* * *

Один год я творил молитву в Дамасской¹⁾ мечети перед гробницей пророка Яхьи²⁾, мир да будет с ним. Внезапно прибыл на поклон туда один из арабских царей, известный своей несправедливостью. Сотворил он намаз³⁾ и стал просить о милости.

Дервиш и богач перед этим порогом в смиреньи, —
Тому, кто богаче, нужнее Господне прощенье.

¹⁾ Город Дамаск находится в Сирии.

²⁾ Иоанн Креститель.

³⁾ Мусульманский молитвенный обряд.

Затем обратился он ко мне и молвил: «Так как дервиши разумны и искренность их свойство, пожелай мне добра, ибо страшусь я грозного врага.—Отвечал я: «Будь милостив к слабым подданным твоим, дабы не увидеть бедствия от сильного врага».

Сильной рукою и мощью десницы —
Грех беззащитную руку ломать.
Тем, кто несчастным помочь не желает,
В бедах не станет никто помогать.
Кто, зло посеяв, добра ожидает,
Будет напрасно его ожидать.
Будь справедливей, вынь хлопок из уха,
Скоро придется отчет тебе дать!

Лишь члены единого тела Адама сыны:
Из той же материи все ведь они созданы.
Лишь только один заболает болезнью злой,
Тотчас же должны и другие утратить покой.
Коль горе чужое тебя не заставит страдать,
Возможно ль тебя человеком тогда называть?

* * *

Появился в Багдаде¹⁾ дервиш, молитвы которого доходили до Бога. Известили об этом Хаддажаджа, сына Юсуфа²⁾; тот позвал его к себе и сказал: «Пожелай для меня добра». Дервиш воздел руки и молвил: «Боже мой! возьми его душу!»—Хаддажадж воскликнул: «Бога ради! это что за молитва?»—Молвил дервиш: «Пожелание добра для тебя и всех мусульман».

¹⁾ Столица арабского халифата, в Месопотамии.

²⁾ Один из правителей, известный своей несправедливостью; жил в VII в. по Р. Х.

* * *

Слышал я про одного царя, что сделал он как-то раз ночь днем, проводя ее в усадбах, и в опьянении говорил:

«Лучше мгновенья вовек не желаю,
Я беззаботен и горя не знаю».

На дворе спал на холоду нагой дервиш. Он воскликнул:

«По правде, безмерна удача твоя, —
Но только, ведь, горя не знаю и я».

Понравилась эта речь царю, бросил он ему в окошко кошелек с тысячей динаров¹⁾ и сказал: «Держи полу». Молвил дервиш: «Откуда мне взять полу, коли нет у меня одежды?» Со страдание царя к нищете его еще возросло, добавил он к дару одежду и выслал ее ему. Дервиш в скором времени истратил эти деньги и вновь пришел.

Сообщили царю о дервише в мгновение, когда ему было не до забот о нем. Разгневался он и нахмурился; не даром сказали опытные и знающие люди: «Надо остерегаться самовластия и горячности царей, ибо разум их преимущественно занят трудностями государственных дел, и не переносят они толпы простого люда».

Молвил царь: «Гоните этого нагого нищего, мота, который растратил такой дар в короткое время. Не знает он, что сокровища казнохранилища—пища для несчастных, а не доля для братьев сатаны».

Безумец жжет свечечь среди белого дня,
А ночью без масла останется он.

¹⁾ Золотая монета, равная приблизительно 7 р. 50 к. золотых.

Один из визирей¹⁾ молвил: «О, повелитель! вижу я правильный исход в том, чтобы таким людям необходимые средства давались в определенные промежутки времени, дабы не стали они расточительными в расходах. Но то, что ты теперь повелел относительно изгнания и воспрепятствования, несогласно с обычаями мудрых людей. Нельзя подать кому-нибудь надежду щедростью своей, а потом вновь заставить его терзаться безнадежностью».

* * *

Один из друзей стал жаловаться мне на несчастную судьбу и говорил: «Достаток у меня малый, а семья большая, и нет у меня сил переносить тягость нищеты. Много раз западала мне в сердце мысль переселиться в другую страну, чтобы, как бы я там ни жил, никто не знал, хорошо ли, плохо ли мне живется».

«Спит он голодным, да кто он—не знают,

С жизнью простится,—над ним не рыдают».

«Но страшусь я злорадства врагов, которые с попреками будут смеяться мне вслед, будут приписывать все мои заботы о семье отсутствию мужества и говорить:

«На этого гнусного мужа взгляни,
Судьбы ему доброй вовек не знаять.

Покой и цовольство себе он избрал,

Оставил жену и детей горевать».

«Как известно, есть у меня кое-какие познания в математике; если благодаря вашему разуму будет возможно сделать что-нибудь, что стало бы причиной душевного спокойствия моего, то до конца жизни не отступлю я от обязанности благодарить».

¹⁾ Советник.

Я сказал: «Друг мой, служба царям имеет две стороны: одна—надежда на хлеб, другая—страх за жизнь, и несовместимо с благоразумием разумных из-за надежды впадать в страх».

«Никто дервишу бедному не скажет:

«За дом и сад скорей мне подать ты давай».

Иль будь своей доволен нищетою,

Иль печень воронью свою ты подавай».

Молвил он: «Не сказал ты слова, подобающего моему положению, не дал ответа на мой вопрос. Разве не слышал ты, что говорят: «У того, кто проявляет коварство, затрясется рука при отчете. А мудрецы сказали: четыре рода людей боятся других четырех и страшатся за жизнь свою: разбойник боится царя, вор пастуха, мошенник доносчика и блудница полицейского. Но тем, у кого отчет в порядке, почему им бояться дознания?»

Сказал я: «Подходит к положению твоему рассказ о лисице, которую увидели в то время, как она спасалась и бежала, что есть духу. Сказал ей кто-то: «Что такое случилось, что ты так смутилась?» — Молвила она: «Слыхала я, что силой хватают верблюда». — Отвечали ей: «О, бестолковая, что общего между тобой и верблюдом, какое сходство между ним и тобой?» — Молвила она: «Умолкни. Если завистники скажут, что я верблюд, и попаду я в плен, кто позаботится о моем освобождении или расследует мое дело? Пока прибудет из Ирака*) противоядие, укушенный змеей успеет умереть». — Сказал я: «Есть в тебе совершенства и достоинства, но завистники при-

¹⁾ Ирак Персидский — провинция Персии, соответствует древней Мидии с главным городом Теграном. Ирак Арабский — Месопотамия.

таились в засаде, сидят по углам недоброжелатели. Если опишут они то, что составляет красоту нрава твоего, не в соответствии с действительностью и разберит и упрекнет тебя царь, у кого хватит силы заступиться за тебя? Вижу я благоразумие в том, чтобы ты охранял сокровище нетребовательности и отказался от главенствования, ибо мудрецы сказали:

«Сокровища несметные сокрыты в глубинах,
Но хочешь ты спасения, — ищи на берегах».

Выслушал друг эти слова, разгневался, нахмурился и начал говорить резкие речи: «Что это за разум и рассудительность, рассудок и предусмотрительность? Верно сказали мудрецы: «Друзья проявляют себя в темнице, а за столом все враги — друзья».

Увидел я, что гневается он и с неудовольствием выслушивает мои слова, пошел я к начальнику дивана¹⁾ и на основании старинного знакомства рассказал ему обстоятельства дела его, прося, чтобы назначили его на должность мухтасиба²⁾. Прошло несколько дней, увидели его превосходный характер, одобрили рассудительность его, пошло его дело, и достиг он высокой должности. И так стала подниматься звезда счастья его, что достигла вершин желания, стал он приближенным к особе царя, стал доверенным и известным. Радовался я успеху его и говорил:

Не скорби о неудачах, сердца скорбью не
терзай,
Ведь сокрыт во тьме глубокой жизни вечной
ручеек.

¹⁾ Царская канцелярия.

²⁾ Чиновник, составляющий справки.

Тем временем случилось мне с друзьями моими отправиться в Мекку¹⁾. Когда возвращался я назад с поклонения Меккским святыням, вышел тот друг мне навстречу за две остановки. Увидел я в облике его смятение, заметил, что он в облачении дервишей, и молвил: «В чем дело?» — Отвечал он: «Все случилось, как ты сказал. Стали завидовать мне, обличать меня в коварстве, а царь не счел нужным расследовать истину, прежние же друзья и искренние предатели умолчали о правде, забыли старую дружбу. Так пришлось мне перенести разные кары, пока на этой неделе не пришла весть о благополучном прибытии паломников. Тогда освободили меня от тяжких уз, а унаследованное мною имущество отобрали».

Молвил я: «Не принял ты тогда моего указания, что служба царям подобна морскому путешествию — и прибыльна и опасна: или добудешь сокровище или погибнешь в страданиях».

Не счел я нужным более терзать раны его сердца и сыпать на них соль, ограничился только этими стихами и сказал:

«Не знал ты, что в оковы попадешься,
Коль ухом не воспримешь ты совета.
Не сунешь скорпиону в норку пальца,
Коль выносить укусы силы нету».

* * *

Дружил я с несколькими людьми, они отличались добродетелями. Один вельможа проявлял много доброжелательности к этим людям и установил для них определенную милостыню. Как-то раз один из них сделал неприличествующее

¹⁾ Священный город мусульман в Аравии.

дервишу движение. Мнение покровителя о них испортилось, и стал их рынок вялым¹⁾. Хотелось мне как-нибудь вернуть друзьям их пропитание и попытался я пойти на поклон к тому человеку. Не пустил меня привратник, грубо обошелся со мной. Я простил его, потому что говорят:

Итти к эмирам²⁾ мощным, царям и визирям
Без связей и знакомства не пробуй, милый мой;

Привратник и собаки, заведя бедняка,
Одни за полы схватят, а за ворот другой.

Но когда приближенные этой особы узнали о моем деле, впустили меня с почетом и предназначили мне лучшее место. Я же со смирением уселся пониже и сказал:

«Прости, я лишь слуга ничтожный,
С прислугой посидеть мне можно».

Тот молвил: «Аллах, Аллах³⁾, что это за речи!»
Я уселся и стали мы беседовать о различных вещах, пока не зашла речь об ошибке моего друга. Тогда я сказал:

«Какой же проступок видал благодетель,
Что стали рабы ненавистны ему?
У Господа лишь совершенно величье,
И грешнику хлеб он дает своему».

Понравилась эта речь вельможе и приказал он, чтобы пропитание друзьям моим выдавали,

¹⁾ Образное выражение, обозначающее: дела их пошли плохо.

²⁾ До известной степени соответствует княжескому титулу: у мусульман титул начальников независимых родов.

³⁾ О, Боже, Боже!

как прежде, и вознаградили их за пропущенные дни. Поблагодарил я за милость, поцеловал землю почтения и попросил извинения за дерзость.

* * *

Рассказывают, что один притеснитель пустил камнем в голову смиренному человеку. Не было у дервиша возможности отомстить и спрятал он этот камень у себя. Пришло время, когда царь разгневался на того человека и вверг его в колодезь. Дервиш пришел и бросил камень ему на голову. Тот молвил: «Кто ты таков и зачем бросаешь мне на голову камень?» — Дервиш ответил: «Я такой-то, а камень этот — тот самый, которым ты пустил мне в голову тогда-то». — Молвил узник: «Где же ты был столько времени?» — Дервиш ответил: «Опасался я высоты сана твоего, теперь увидел я тебя так низко и счел это удобным случаем».

Коль увидишь ты, что счастлив негодяй,
Ты на Бога все надежды возлагай!
Если острых не дал Бог тебе когтей,
То разумней сторониться злых людей.
Кто с булатною рукою вступит в бой,
Со своей простится белою рукою,
Пусть врага скует судьбина по рукам,
Сможешь ты его тогда прикончить сам!

* * *

Один из царей заболел ужасной болезнью, о которой рассказывать неприлично. Собравшиеся греческие врачи единогласно решили, что нет для этой болезни лекарства, кроме желчи человека, который бы отличался такими-то и такими приметами. Царь повелел разыскать такого человека. Нашли сына одного дихкана¹⁾ с теми при-

¹⁾ Сельское население Персии.

метами, о которых говорили ученые. Царь призвал его родителей и удовлетворил их несметными милостями. Кади¹⁾ дал решение, что дозволено пролить кровь одного из подданных ради спасения жизни царя, и палач собрался казнить мальчика.

Мальчик поднял лицо к небу и засмеялся. Царь сказал: «Разве уместно смеяться в твоём положении?» — Молвил мальчик: «Заботиться о детях обязанность родителей, жалобы подают кадию, а справедливости ищут у царя. Теперь родители предали меня на смерть ради благ мирских, кади дал решение казнить меня, а царь видит спасение свое в моей смерти. Не вижу я покрова, кроме Господа Всевышнего».

Сжалось у царя при этих словах сердце и наворачнулись на глаза слезы. Молвил он: «Лучше мне погибнуть, чем пролить кровь невинного». Поцеловал он его в чело и в глаза, прижал к груди, одарил несметными благами и отпустил на волю. Говорят, что царь в ту же неделю исцелился.

* * *

Бежал один из рабов Амра ибн Лейса²⁾. Отправились в погоню за ним и привели его назад. Ненавидел его визирь³⁾ и дал приказ казнить его, чтобы другой раз рабы не ропсались на такой поступок. Раб пришел к Амру, склонил голову к земле и сказал:

¹⁾ Судья.

²⁾ Наместник некоторых областей Персии, правивший с 879 до 900 г. по Р. Х.

³⁾ Министр.

«Что ты захочешь, пусть со мной свершится, Противиться не смею хозяина деснице».

«Но так как вскормлен я милостями этого дома, не хочу я, чтобы в день Суда ты ответил за мою кровь. Если хочешь ты казнить раба, приложи к этому закон, дабы не ответить в день Воскресения».

Царь молвил: «Какое же приложение закона могу я дать?»

Раб ответил: «Дай мне дозволение убить визиря, а тогда повели убить меня в наказание за это, чтобы иметь право на казнь».

Царь рассмеялся и сказал визирю: «Что ты на это скажешь?»

Тот отвечал: «О повелитель, заклинаю тебя могилкой отца твоего, оставь этого негодяя в живых, чтобы не вверг он меня в беду. Моя вина: не внимал я словам мудрецов, говоривших:

«Если ты с пращником драку затеешь,
Череп проломит тебе он, гляди.
Если врагу ты стрелу посылаешь,
Сам ты на месте его не сиди».

* * *

Был у царя Зузана¹⁾ один мудрец, благородный душою и добрый нравом, который всем присутствующим оказывал услуги, а обо всех отсутствующих хорошо отзывался. Однажды случилось ему совершить какой-то поступок, который пришелся царю не по нраву. Отобрал он у мудреца его имущество и велел наказать его. Вое-

¹⁾ Город в персидской провинции Хорасан.

начальники царя помнили прежние благодеяния его, были обязаны ему благодарностью и поэтому, пока он был в темнице, проявляли к нему доброту и ласку и избегали попреков и резкостей.

Часть из того, что требовал царь, была им уплачена, а за остальной долг он был заключен в тюрьму. Один из царей тех стран тайком послал ему весть: «Цари той страны не постигают такого величия и лишают его почестей. Если драгоценный разум такого-то, да соделает благом Господь окончание дел его¹⁾, обратит на нас внимание, мы окажем величайшее усердие в уважении к нему, ибо вельможи страны нашей гордятся свиданием с ним, а ответ его ожидается».

Узнал об этом мудрец, подумал об опасности, написал краткий ответ, какой счел полезным, на обратной стороне листка и отослал. Один из приближенных узнал об этом, уведомил царя и сказал: «Такой-то, которого ты повелел заключить в темницу, переписывается с окрестными царями». Царь разгневался и повелел раскрыть это дело. Гонца схватили и послание прочли. Написано было: «Прекрасномыслие великих больше совершенств раба, и раб не может принять честь приглашения, оказанную ими, потому что он вскормлен благодеяниями сего дома и вследствие ничтожной перемены расположения не может изменить прежнему благодетелю».

Понравилась царю честность его, осыпал он его милостями, подарил почетную одежду и попросил извинения: «Неправ был я и оскорбил тебя без вины».

¹⁾ Формула вежливости, поставленная вместо того, чтобы употребить в письме имя адресата.

Мудрец молвил: «О, повелитель! не видит раб за тобою вины в этом деле. Такова была Господня воля, что должны были страстись с рабом твоим все эти бедствия, и лучше, чтобы постигли они его от твоей руки, так как ты обладаешь правами прежних благодеяний и покровительства этому рабу».

* * *

Был один человек искусен в борьбе, знал триста шестьдесят прекрасных приемов этой науки и каждый день мог применять новый прием. Как-то склонилось сердце его к красоте одного из его учеников и научил он его триста пятидесяти девяти приемам, кроме одного, которого он не показал ему. Юноша достиг совершенства в этом искусстве, приобрел полную силу, и никто уже не мог состязаться с ним. Дошел он в сознании своей силы до того, что сказал перед царем: «Если мой учитель и обладает превосходством передо мной, то это только по причине его возраста и тех обязанностей, которые он наложил на меня своим обучением; силой же я не меньше его и в искусстве равен ему».

Царю не понравилось такое пренебрежение к воспитателю и повелел он, чтобы устроили состязание. Приготовили просторное место и собрались все столпы державы и вельможи. Юноша бросился в бой, как опьяненный слон; если бы перед ним была железная гора, и ту он бы сдвинул с места. Учитель понял, что юноша сильнее его, и применил неизвестный тому прием, который он скрыл от него. Не сумел юноша отразить его, и учитель, обеими руками подняв его высоко над головою, бросил об землю. Народ

поднял шум, а царь приказал, чтобы учителя одарили почетной одеждой и милостями, и сделал внушение юноше: «Хвастался ты, что можешь померяться с воспитателем своим и не сумел выполнить этого».

Юноша отвечал: «О, повелитель! не силой и мощью справился со мною учитель, но оставался в искусстве борьбы один прием, который он скрыл от меня; сегодня он и победил меня этим приемом».

Учитель молвил: «Помнил я о таком дне, ибо ученые говорят: Не давай другу такой силы, чтобы, став врагом, он смог одолеть тебя. Разве ты не слышал, что сказал человек, претерпевший насилие от ученика:

«Иль верность из мира сокрылась,
Иль верных уж нету у ней,
Стрелять обучал я из лука
И стал я мишенью друзей».

Жил один дервиш отшельником в пустыне и прибыл к нему царь. Дервиш по той причине, что уединение есть имущество нетребовательности, не поднял головы и не обратил на него внимания, царь же по той причине, что резкость принадлежность царской власти, разгневался и сказал: «Эти нищие, одетые в рубище, подобны скотам».

Визирь молвил: «Царь мира прибыл к тебе, что же ты не оказываешь ему почтения и не выполняешь правил вежливости».

Дервиш сказал: «Скажи царю, чтобы он не ожидал низкопоклонства от тех, кто ожидает от него милостей. Знай, что цари существуют для защиты подданных, а не подданные для повиновения царям».

Понравились царю речи дервиша и сказал он: «Попроси у меня чего-нибудь». — «Желаю я того», ответил тот, «чтобы ты в другой раз не беспокоил меня». — «Дай мне совет», — молвил царь. Тот ответил:

«Ты, богатством обладая, помни, друг мой,
наперед,

Что к другим твое богатство после смерти
перейдет».

* * *

Дал один царь приказ казнить невинного. Тот сказал: «О царь! не ищи для себя пагубы по причине гнева на меня». — Царь спросил: «Что это значит?» — Тот отвечал: «Казнь эта свершится надо мной в одно мгновение, а вина эта останется на тебе навек».

«Жизнь словно ветер в пустыне проходит,
Горечь и сладость, все в жизни уходит.
Думает нас притеснитель обидеть:
Тщетны старанья! ведь горе проходит!».

Полезным показался царю совет его, отказался он от казни и простил того человека.

* * *

Визирь Нуширвана¹⁾ как-то раз обсуждали важное дело и совещались о благе государства. Каждый из них высказывал мнение в соответствии с познаниями своими. Изложил свое мнение и сам царь, и Бузурджмихр²⁾ признал это решение царя правильным. Визирь тайно спро-

¹⁾ Царь династии Сасанидов, правивший в Персии в VII веке по Р. Х.

²⁾ Имя министра Нуширвана, знаменитого своей мудростью.

сили его: «Какое преимущество ты видел во мнении царя перед отзывами стольких ученых?» — Тот отвечал: «Сделал я это по той причине, что исход дела неизвестен, и один Бог волен решить, будет ли совет визирей правилен или нет. Поэтому лучше согласиться с царем, ибо если решение окажется неправильным, я по причине своего согласия с властителем не заслужу, по крайней мере, его упреков.

«С царями могучими спор затевать, это то же, Что собственной кровию руки себе умывать. Пусть скажет средь белого дня он, что ночь наступила,

— «Да, да, вон луна и Плеяды!» — скорей ему надо сказать».

* * *

Один обманщик завил длинные локоны: я, мол, Алид¹⁾. Явился в город с караваном из Хиджаза²⁾: я, мол, возвращаюсь из хадджа³⁾. Поднес царю касыду⁴⁾: это, мол, мое сочинение. Царь одарил его великими милостями и почтил, пока один из придворных царя, в тот год вернувшийся из морского путешествия, не сказал: «Да, я видел его на празднике жертвоприношения в Басре⁵⁾, как он может быть паломником?» — Другой сказал: «Отец его христианин в Малатии⁶⁾

¹⁾ Т. е. потомок зятя пророка Мухаммеда, ибо потомки Алиа имели обыкновение носить длинные локоны.

²⁾ Провинция Аравии, лежащая на берегах Красного моря.

³⁾ Паломничество в Мекку.

⁴⁾ Хвалебное стихотворение.

⁵⁾ Город лежащий на Тигре.

⁶⁾ Т. е. гор. Мелитена в Малой Азии.

как он может быть Алидом?» — А стихи его нашли в диване Энвери¹⁾. Царь повелел, чтобы его избили и прогнали: «зачем столько налгал?»

Тот ответил: «О, повелитель лика земли! Скажу я другое слово, а если и оно будет неправдой, достоин я любой казни, какую прикажешь». — «Чтож это за слово?» — спросил царь. — Молвил тот:

«Если продаст незнакомец баклагу тебе молока,
Будет там треть молока, остальное же — просто вода.

Странники много болтают нескладных и странных вещей,

Если тебе и налгал я, так что же? Прости, не беда!»

Царь засмеялся и молвил: «Никогда ты не говорил слова правдивее этого» — и повелел дать ему то, что он захочет.

* * *

Сидел я с купцами на корабле и затонула перед нами лодка. Упали два брата в пучину. Тогда один из купцов сказал матросу: «Спаси этих двух братьев и я дам тебе сто динаров». Пока матрос спасал одного, другой утонул. Тогда я сказал: «Не оставалось в нем более жизни и по этой причине ты, верно, и медлил спасать его». — Матрос засмеялся и ответил: «То, что ты говоришь, правда, но я был более склонен спасти того, потому что однажды ослабел я в пустыне и он

¹⁾ Знаменитый персидский поэт.

посадил меня на своего верблюда, а от руки другого я в детстве получил удар бичом». — Я воскликнул: «Истинно сказал Господь Всевышний: кто творит благо, творит его для себя же, кто делает зло, делает его для себя».

* * *

Один из сыновей Гарун-аль-Рашида¹⁾ в гневе прибежал к отцу «Сын военачальника оскорбил словами мою мать». Гарун спросил министров: «Какого наказания достоин такой человек?» — Один посоветовал казнить, другой отрезать язык, третий отобрать имущество и изгнать. Гарун сказал: «О, сын мой, благородство в том, чтобы простить. А если не можешь, поди и тоже нанеси оскорбление его матери, но так, чтобы месть не перешла границ, иначе насилие будет на твоей стороне, а право на удовлетворение на стороне врага».

Мудрец того разумным не считает,
Кто ищет боя с мощными слонами.
Лишь тот мудрец, кто в ярости и злобе
Пустыми не ругается словами.

Негодяй один кого-то изругал,
Тот, его покорно выслушав, сказал:
— «Милый друг, на деле много хуже я,
Лучше знаю я себя, чем ты меня».

* * *

Было два брата: один служил царю, а другой зарабатывал хлеб трудами рук своих. Как-то раз вельможа сказал нищему: «Почему не посту-

¹⁾ 5-й халиф из рода Аббаса, прославленный сказками 1001 ночи. Правил с 786 по 809 г. по Р. Х.

пишь ты на царскую службу, чтобы освободиться от тяжких трудов?» — «Почему ты не трудишься», молвил нищий, «чтобы избавиться от унижения службы? Ведь мудрецы сказали: лучше есть хлеб сидя, чем опоясаться золотым поясом и стоять, прислуживая другому».

Лучше горячую известь рукою мешать,
Чем пред эмиром покорно склонившись
стоять.

Жизнь дорогая в заботах проходит:
— «Чем мне питаться, да что одевать?»
Брюхо тупое! довольствуйся хлебом!
Спину позорно пред мощным сгибать!

* * *

Одному царю привезли из Китая девушку. Хотел он в опьянении овладеть ею. Девушка стала противиться, царь разгневался и подарил ее одному рабу-негру, у которого верхняя губа доходила до ноздрей, а нижняя свешивалась до воротника. Это была такая рожа, что демон Сахр пугался при появлении ее; ручей зловония истекал из подмышек его.

Охватила тогда негра страсть, покорила похоть и овладел он девушкой. На другой день царь начал искать девушку и не нашел. Сообщили ему, что случилось. Он страшно разгневался и повелел, чтобы негру и девушке крепко связали вместе руки и ноги и свергли их с крыши дворца в ров. Один из визирей, добрый по природе, склонил до земли лицо сострадания и сказал: «Нет у негра вины, ибо все слуги и прислужники привыкли к твоим подаркам и милостям».

Царь ответил: «Что бы ему было подождать одну ночь».

Визирь молвил: «О, повелитель, разве ты не слышал, что говорят:

«Если терзаемый жаждой к ручью проберется. Бешеный слон испугать там не сможет его».

Понравилась царю эта прибаутка и сказал он: «Негра я дарю тебе, а что мне делать с девушкой?»

«Девушку подари негру», ответил визирь, «ибо чего он попробовал, то должно принадлежать ему».

* * *

Александра Македонского спросили: «Каким путем ты покорил страны востока и запада? Ведь у прежних царей было больше сокровищ и имущества и войска, а все же не были им доступны такие завоевания». — «С помощью Господа Всевышнего», ответил он: «не угнетал я подданных завоевываемой страны, а имя царей их только восхвалял».

Глава вторая.

О нравах дервишей.

Один из вельмож спросил благочестивого человека: «Что ты скажешь о таком-то смиренном муже, которого другие порицают?» — «Снаружи не вижу я в нем недостатков», отвечал тот, «а что сокрыто в глубине души его, того не знаю».

* * *

Забрался вор в дом благочестивого человека. Сколько ни искал, ничего не нашел и смутился. Заметил это благочестивый и бросил ему на дорогу коврик, на котором спал, чтобы вор не ушел, ничего не получив.

* * *

Несколько странников путешествовали вместе и делили заботы и радости. Захотел я пойти с ними вместе, — не согласились они. Я сказал: «Далеко это от великодушия и святых нравов — отворачивать лицо от ничтожных и слабых и отказывать им в выгодах. Я чувствую в своей душе достаточно силы и мощи, чтобы быть разумным другом, а не бременем для разума».

Один из них ответил: «Не огорчайся словами, которые ты услышал. На этих днях пришел под видом дервиша вор и проник в общество наше.

«Так как простодушие — качество дервишей, не заподозрили мы его и приняли в свое сообщество.

«В конце концов, шли мы однажды до вечера и на ночь легли спать у подножия замка. Негодный вор взял рукомойник товарища: я, мол, иду совершать омовение, — а сам пошел воровать.

«Как только сокрылся он из глаз дервишей, пошел он в замок и украл ларец. Когда рассвело, этот бесстыжий прошел уже большой кусок пути, а невинные спутники спали. На утро всех нас свели в замок и ввергли в темницу. После этого перестали мы дружить с незнакомыми и предпочли путь уединения, ибо безопасность — в одиночестве».

Молвил я: «Благодарение Господу, велик и славен да будет Он! Не лишился я выгод от дервишей, хоть и лишен их общества. Приобрел я выгоду от этого рассказа и на всю жизнь будет мне полезен этот добрый совет».

* * *

Один отшельник был в гостях у царя. Когда сели за стол, он ел меньше, чем ему хотелось, когда встали для молитвы, молился больше, чем обыкновенно, дабы вызвать лучшее мнение о своей набожности.

Пришел он домой и потребовал еды, чтобы наесться вдоволь. Был у него сын, отличавшийся большой проницательностью. Он сказал отцу: «Отец, да разве ты не ел на пиру у султана?» —

Тот отвечал: «Пред лицом его не ел я ничего, от чего мог бы быть толк». — «Ну так помолись же еще раз», сказал сын, «потому что от молитвы твоей тоже не могло быть толку».

* * *

Помню я, что в детстве был я очень набожным, бодрствовал по ночам и был склонен к воздержанию и отшельничеству. Как-то ночью прислуживал я отцу и всю ночь не смыкал глаз и обнимал Коран. Вокруг нас все спали. Тогда я сказал отцу: «Никто из них даже не поднимает головы, чтобы совершить молитву; они спят так крепко, что можно принять их за мертвых». — «Душа моя», молвил отец, «лучше бы было, если бы и ты спал, чем хулить других людей».

* * *

Один благочестивый человек увидел во сне царя в раю, а подвижника в аду. Спросил: «По какой причине один так возвышен, а другой так унижен? Думал я, что будет наоборот». — Этот царь», ответили ему, «в раю за любовь к дервишам, а тот подвижник в аду за то, что стремился приблизиться к царям».

* * *

Один пешеход с непокрытой головой и босыми ногами вышел из Куфы¹⁾ с Хиджасским караваном и присоединился к нам. Шел он легко и весело и говорил:

¹⁾ Город в Месопотамии, основанный в VII в. по Р. Х.; ныне представляет собою только деревню.

Всадник, ехавший на верблюде, сказал ему: «Эй, дервиш, куда бредешь? воротись, не то умрешь от усталости». — Выслушал он эти слова, направил шаги в пустыню и быстро пошел. Когда добрались мы до «пальмы Махимуда»¹⁾ постигла богача, ехавшего на верблюде, смерть. Дервиш подошел к его одру и сказал: «Мы не мерли от усталости, но ты-то умер от самодольства».

* * *

* * *

«В нашем обществе сам кадий в легком танце
полетит,
Сам подвыпив, полицейский и гуляке хмель
простит».

2) Имя наставника Саади.

Я ответил: «Лучше всего будет, если ты придержишь язык, ибо мне открылась чудесная сила этого человека». — «Объясни, в чем дело», сказал друг, «мы тогда пойдем и извинимся за все насмешки». Отвечал я: «Учитель мне много раз приказывал не слушать музыки, долго увещевал меня, и не мог я повиноваться, пока сегодня вечером не привела меня счастливая звезда и благая судьба в это место. По милости этого певца, я уже не буду больше ходить по компаниям и слушать пение».

¹⁾ Самая мелкая монета.

* * *

Спросили Лукмана: «У кого ты учился вежливости?» — «У невежд», отвечал он: «я воздерживался от тех речей и поступков, которые мне были в них неприятны».

* * *

Рассказывают, что один смиренный человек с'ел десять фунтов пищи и до рассвета занимался чтением Корана. Услышал это один подвижник и сказал: «Если бы с'ел ты полхлеба и лег спать, это было бы много лучше».

* * *

Помню я, что однажды шли мы всю ночь напролет с караваном, а на утро пришли на опушку леса и легли спать. Один иступленный, сопровождавший нас в этом путешествии, испускал крики, ходил в пустыню и ни на минуту не знал покоя. Когда настало утро, спросил я его: «Что привело тебя в иступление?» — «Увидел я», отвечал он, «что застонали с деревьев соловьи, подали голос куропатки на холмах, лягушки в воде, звери в лесу, и подумал я, что будет недостойно человека, если все будут прославлять Господа, а я буду спать сном небрежения».

* * *

Пришла к царю смерть, и не было у него наследника. Завещал он, чтобы тому, кто на другое утро после его смерти первым войдет в городские ворота, надели царский венец на голову и передали царство. Когда покинул царь мир, случайно первым, кто пришел, оказался нищий,

который всю жизнь собирал подаячки и сшивал тряпки. Выполнили министры и сановники царское завещание и вверили нищему города и сокровища. Некоторое время дервиш правил царством, пока эмиры страны его не восстали, а со всех сторон не собрались на него войною цари и не стали собирать для похода войско. В конце концов, поднялась смута среди его войска и подданных и утратил он власть над частью городов. Огорчился дервиш этим событием. Тут вернулся из путешествия один из старинных друзей его, который был его приятелем, когда он еще был дервишем. Увидел он, что тот достиг такого сана, и сказал: «Благодарение Господу, велик и славен да будет Он, что осчастливил тебя славной судьбой и счастьем власти, так что розы твои лишились шипов, а шипы твои вырваны, и достиг ты такого сана. Поистине с трудностью и легкостью».

Молвил тот: «О, брат мой! утешь меня, не время поздравлениям: когда ты видел меня, я скорбел о хлебе, а теперь терзаюсь о мире».

* * *

У кого-то был друг, служивший в диване¹⁾ Случилось так, что долгое время им не приходилось видеться. Кто-то сказал: «Ты давно не видал такого-то?» — «Не хочу я его и видеть», — отвечал тот. — Случайно был тут и кто-то из близких его друга и молвил: «В чем же он провинился, что тебе неприятно его видать?» — «Нет за ним провинности», отвечал тот: «но видеть

¹⁾ Канцелярия правителя.

друга, служащего в диване, можно лишь тогда, когда его отставят. Я же не хочу беды для него ради собственного покоя».

В дни величья среди суматохи и дел
О родных и друзьях забывают они.
Но утратив свой сан и несчастье познав,
Прибегают к друзьям они в трудные дни.

* * *

Оскорбили меня чем-то в обществе моих друзей в Дамаске. Пошел я в священную пустыню и дружил со зверями, пока не взяли меня в плен франки¹⁾. Заставили меня вместе с евреями производить земляные работы во рвах Триполиса²⁾. Проходил мимо один из старейшин Алеппо³⁾, с которым мы раньше были знакомы, узнал меня и сказал: «Что это значит, что это за работа?»

Я ответил:

«Лучше в цепях перед другом стоять,
Чем с незнакомым по саду гулять».

Сжалился он над моим положением, выкупил меня за десять динаров из плена франков и взял с собой в Алеппо. Была у него дочь и выдал он ее за меня с приданым в сто динаров. Прошло некоторое время и оказалось, что у дочери его дурной характер; стала она сварливой и непокорной, не умела придержать язык и отравляла мне жизнь.

¹⁾ Т. е. крестоносцы.

²⁾ Область на северном побережье Африки.

³⁾ Город в Сирии.

Однажды начала она браниться и сказала: «Разве ты не тот человек, которого мой отец выкупил из плена у франков за десять динаров?» — «Да», отвечал я, «за десять динаров выкупил, а за сто сделал твоим пленником».

* * *

Один из сирийских подвижников долгие годы жил в лесу и питался листьями деревьев. Прибыл к нему навестить его царь той страны и сказал: «Если сочтешь ты возможным, мы приготовим для тебя в городе нашем место, где ты сможешь с большой легкостью предаваться подвижничеству, а другие, благодаря благословению души твоей, приобретут выгоду и будут подражать прекрасным делам твоим». — Не понравились отшельнику эти речи, но министры сказали ему: — «Из уважения к царю следует тебе пойти в город на несколько дней и посмотреть, что это за место. Если же чистота жизни святого приобретет от общения с посторонними мутность, выбор твой свободен».

Передают, что отшельник прибыл в город, где приготовили для него место в царском саду, место, чарующее сердце и утешающее душу.

Царь сейчас же послал ему прекрасную девушку, а за нею юношу редкой красоты и изумительной стройности, сила красоты коего ломала сильную руку и связывала за плечами руки терпения благочестивых людей. Начал отшельник есть изысканные яства, носить прекрасные одежды, находить сладость и удовольствие в плодах и благовониях и любоваться на красоту девушки и юноши. Говорят, что локон красавца — цепь для разума и силок для хитрой птицы.

Как-то раз пожелал царь повидать его и увидел, что изменился прежний вид отшельника; стал подвижник красным и белым, раздобыл, возлежал на шелковой подушке, а юноша, прекрасный как пери, махал над головой его опахалом из павлиньих перьев. Порадовался царь его благополучию и началась у них беседа, пока царь, в конце концов, не сказал: «Люблю я эти два разряда людей: ученых и отшельников». Был при этом визирь, философ, выдавший мир. Молвил он: «О, царь! условие дружбы таково, чтобы ты обоим этим разрядам оказывал благо. Давай же ученым золото, чтобы они больше учились, а отшельникам ничего не давай, чтобы оставались они отшельниками».

* * *

В соответствии с такими словами и следующий рассказ. Случилось у одного царя важное дело и сказал он: «Если окончание его будет соответствовать моим желаниям, столько-то дирхемов я раздам святым людям». Осуществилось его желание, покинули его разум заботы, и нужно было выполнить условленный обет. Дал он одному из своих слуг мешок с дирхемами, чтобы тот роздал их святым людям. Говорят, что раб этот был умным и хитрым. Пробежал он весь день, к вечеру возвратился, поцеловал деньги, положил их перед царем и сказал: «Сколько я ни искал святых людей, не нашел ни одного». — «Это что за рассказы», сказал царь: «знаю я, что в этом городе четыреста святых людей...» — «О повелитель мира!» отвечал раб: «те, которые действительно святые люди, не берут денег, а которые берут, те не святые». — Царь рассмеял-

ся и сказал сотрапезникам: «Хотя и склонен к отшельникам и люблю их, а этот наглец враждует с ними и не признает их, но на сей раз правда на его стороне».

* * *

Один человек сказал своему наставнику: «Что мне делать? Мешают мне люди, они часто приходят ко мне, и теряю я драгоценное время от их посещений». — «Всем бедным», отвечал тот, «одолжи денег, а у богатых попроси чего-нибудь, и в другой раз они уже не придут к тебе».

* * *

Некто валялся пьяным на дороге, выпустив из рук поводка воли. Проходил мимо благочестивый человек и взглянул на это достойное порицания зрелище. Юноша поднял голову и сказал: «А когда проходят они мимо брэнного, то проходят милостиво¹⁾».

Если грешника видишь, ты грех его кротко покрой,
Очего не желаешь ты мимо спокойно пройти?

От грешных зачем ты лицо отвращаешь, свя-
тоша?
Прощай им и кротко на их прегрешенья гляди!
Коль, я благородства в своем поведении не
знаю,
То ты благороднее мимо меня проходи!

* * *

¹⁾ Слова Корана (25, 72).

Толпа пьяных напала на дервиша, стала говорить ему неприличные слова и избивала его. Пожаловался он наставнику ордена и рассказал, в чем дело. Тот отвечал: «О, сын мой! ряса дервишей — одежда покорности. Кто в этой одежде не может переносить нежелательных для него вещей, тот ложно утверждает, что он дервиш, и ряса для него запретна».

Не сможешь ты камнем глубокой реки заму-
тить,
Ручей — тот мудрец, что обид не умеет сно-
сить.

Покорно старайся обиды людские сносить,
Прощеньем ты сможешь свои прегрешенья
омыть.
Всем людям судьбой суждено обратиться во
прах,
Старайся же прахом покорным теперь уже
быть!

* * *

Один из благочестивых людей увидел, как бо-
рец разгневался и пришел в ярость, так что пена
выступила у него на губах. Спросил он, в чем
дело. Кто-то ответил: «Такой-то изругал его». —
«Какой презренный», сказал тот: «он может под-
нять гирю в тысячу фунтов, а не в состоянии
снести одного слова».

Силой и мощью своей похвальбу ты пустую
оставь!

Если ты низок, не все ли равно, что ты муж,
что жена,
Если ты можешь, будь сладким и нежным
всегда,
Мужа ведь красит лишь разум, не сила одна.

Пусть можешь ты в драку вступить со слоном,
Не муж ты, коль мужества нету в тебе.
Из праха Адама сыны созданы,
Не муж тот, кто праха не видит в себе.

* * *

Была у одного законоведа дочь, чрезвычайно
некрасивая. Пришла она в возраст, но, несмотря
на приданое и богатство, никто не хотел брать
ее замуж.

В конце концов, выдал ее отец по необходи-
мости за слепого. Передают, что в то время при-
ехал из Серендипа¹⁾ один врач, который умел
возвращать зрение глазам слепых. Спросили за-
коноведа: «Отчего ты не полетишь зятя?» —
«Боюсь», отвечал тот, «что прозреет он и разве-
дется с дочерью».

* * *

Букет из роз стоял, блиставших красотой,
И связан вместе был травкою он простою.
Сказал я: «Прочь траву убрать отсюда надо,
Держать ее нельзя с красивой розой рядом».
Заплакала трава, сказала мне: «Не трогай,
Не подходи ко мне с такою речью строгой».

¹⁾ Остров Цейлон.

Для глаз твоих трава простая не отрада,
Но разве я пришла не из Господня сада?
Щедрот Его раба, пред Ним я преклоняюсь,
Господь меня вскормил, я перед Ним скло-
няюсь.

Умна я или нет, блистаю ль дарованьем,
Душа моя полна на Бога упованьем;
Ничтожна я во всем, заслуг я не имею,
Покорностью своей гордиться я не смею,
Но знает Он зато, чего рабы желают,
Коль старость на дворе и силы исчезают.
Обычай у царей рабов пускать на волю,
Когда они дряхлы, служить не могут доле». —
О, Боже! Ты велик! Твои безбрежны силы,
Раба ты Твоего бессильного помилуй!
Саади мой! стремись к Его благоволенью.
О, Божий человек! ищи Его прощенья!
Несчастен, кто ушел от Божьего порога,
В другую дверь нельзя ему поставить ногу.

* * *

Спросили мудреца: «Что лучше, щедрость или смелость?» — «У кого есть щедрость», отвечал он, «тот не нуждается в смелости».

Глава третья.

О спокойствии и счастье довольства.

В рядах торговцев красным товаром в Алеппо один африканский нищий говорил: «Милостивые господа, если бы вы были справедливы, а мы нетребовательны, то скрылся бы из мира обычай просить милостыню».

* * *

Были в Египте два сына эмира: один учился наукам, другой копил богатство; один стал самым ученым человеком своего века, другой — царем Египта. Властитель этот стал глядеть на ученого с презрением и говорил: «Достиг я царской власти, а ты все остаешься нищим». — «О, брат мой!» — отвечал тот: «благодарю я Господа Всевышнего за милость Его. Мне досталось наследство пророков — наука, а тебе наследство Фараона и Амана¹⁾, — царство Египетское».

¹⁾ Имя министра египетского фараона, упоминаемое в Библии.

Миром и потопом, ногами меня попирают,
Да, я не страдаю, от ужинов миги не страдают.
Миги да миги для своей благодарности слово
За то, что мне трапеза насилье и окрик суровый?

* * *

Сказал я, что один деревни сгорел в огне нищеты
и выжили только на выжили, утешая себя
такою счастливой.

Любимое слово мое дивольное, рубище ради
носить;
Друже страдать и томиться, чем подавня
просить.

Сказал ему кто-то: «Что ты сидишь? Такой-
то в этом городе отличился благородной при-
родой и широкой благотворительностью. Готов
он служить добрым людям, сидит он у дверей
своего же. Если узнает он о твоём положении,
скажет обманностью помочь такому почтенному
человеку». — «Замолчи», отвечал деревни, «луч-
ше умереть в нищете, чем жить докладывать о
своей нужде».

Друже домысли сными и в терзенья отра-
ды искать,
Чем быти, на подмучу надеясь, посланья
писать.
Правда! ужиное муча, чем адское пламя сто-
крат:
В рай, на оскверн богатых своих опираясь,
вступать.

* * *

Один из персидских царей послал опытного
врача к Мустафе¹⁾ (мир да будет с ним); не-
сколько лет провел он в арабской земле и никто
не приходил к нему на исследование, никто не
просил от него излечения. Однажды пришел он
к господину пророков, мир да будет с ним, и стал
жаловаться: «Прислали меня сюда для лечения
сподвижников твоих, а за все это время никто
не обращался ко мне, чтобы услужил я своим
искусством». Сказал пророк, мир да будет с ним,
«У всех этих людей такой обычай: пока не
одолеет их голод, ничего они не едят, а когда го-
лод еще не вполне утолен, перестают вкушать
пищу». — «Это причина здоровья», сказал врач,
почтительно поцеловал землю и удалился.

В жизнеописании Ардешира²⁾ Бабегаи гово-
рится, что спросил он арабского врача, какое ко-
личество пищи нужно есть за день. Тот отве-
чал: «Сто драхм³⁾ весу достаточно». — «Какую
же силу дает это количество?» спросил Арде-
шир. — «Это количество понесет тебя, а все, что
сверх этого, ты сам понесешь», отвечал тот. То-
есть, это количество будет поддерживать тебя
на ногах, а все, что ты съешь сверх того, тебе
придется носить, как бремя. Есть надо, чтобы
жить и молиться, а ты считаешь, что надо жить,
чтобы есть.

* * *

Странствовали вместе два Хорасанских дер-
виша. Один был слабым, так как вкушал пищи
один раз в две ночи, другой был сильным, ибо

¹⁾ Избранник — прозвание пророка Мухаммеда.

²⁾ Первый царь династии Сасанидов. Правил с
226 по 241 по Р. Х.

³⁾ Мера веса, равная одной сотой фунта.

ел три раза в день. Случайно схватили их в воротах одного города по подозрению в воровстве, обоих заключили в тюрьму, а дверь ее замазали глиной. Через две недели выяснилось, что они невинны. Дверь открыли и оказалось, что сильный умер, а слабый жив и здоров. Все изумились, а один врач сказал: «Было бы удивительно, еслиб случилось наоборот. Один был обжорой, не мог перенести голода и погиб, а другой был воздержанным, по привычке терпел и спасся».

* * *

Один из мудрецов предостерегал своего сына от излишества в еде, ибо чрезмерная сытость вызывает у человека болезни. Сын сказал: «О, отец! голод убивает людей, разве ты не слышал, что сказали разумные люди: лучше умереть от сытости, чем терпеть голод». — «Знай меру», отвечал отец: «ибо сказал Господь Всевышний: ешьте и пейте, но не излишествуйте»¹⁾.

Не ешь так много, чтоб еда назад пошла,
Не ешь так мало, чтобы жизнь твоя ушла.

* * *

В городе Васите²⁾ задолжали суфии³⁾ какую-то сумму денег одному мяснику. Каждый день приходил он требовать деньги и говорил грубые слова. Тяжко было им от отношений его, но приходилось терпеть. Один благочестивый человек из них сказал: «Легче обещать своему желудку пищу, чем обещать мяснику денег».

* * *

¹⁾ Слово Корана. (7. 29).

²⁾ Город в арабском Ираке, между Баброю и Куфю.

³⁾ Секта религиозных мистиков.

Одному герою нанесли в войне с татарами страшную рану. Кто-то сказал ему: «Такой-то купец имеет целебное питье, если ты попросишь, быть может, он и даст тебе». — А купец этот был известен своей скупостью.

Если бы солнце само, вместо хлеба, слуги к
столу подавали ему,
Верь мне, до Дня Воскресения Мертвых, ясно-
го дня бы никто не видал.

Герой отвечал: «Если попрошу я питья, быть может, он даст, а может и не даст; если даст, быть может, принесет он пользу, а может и нет. А просить у него чего-нибудь — это смертельный яд».

И мудрецы сказали: если бы вода жизни продавалась ценою чести, не покупал бы ее мудрый, ибо лучше умереть с честью, чем жить в позоре.

* * *

У одного ученого было много едоков, но малый достаток. Рассказал он об этом вельможе, который очень высоко ценил его. Поморщился тот и показалось ему неподобающим для образованных людей проявлять такую навязчивость.

Передают, что увеличил он назначенное ученому жалованье, но склонность его к ученому уменьшилась. Через несколько дней ученый увидел, что обычная любовь к нему исчезла и сказал:

«Проклята да будет пища, если добывает ее унижение,
Котел стоит, но зато достоинство падает».

* * *

Спросили Хатем-Тая¹): «Видал ли ты кого-нибудь в мире великодушнее тебя самого или слышал ли о таком человеке?» — «Да», отвечал он: «однажды зарезал я сорок верблюдов и вышел с арабскими эмирами в пустыню. Увидел я человека, собравшего вязанку терновника для топлива, и спросил его: «Чтож ты не идешь на угощение к Хатем-Таю? ведь собрался народ у стола его». Он отвечал:

«Мы рук своих трудом всегда кормиться рады
И угощенья Хатем-Тая нам не надо».

«Его я нашел более щедрым и благородным,
чем я сам».

* * *

Увидел пророк Моисей, мир да будет с ним, дервиша, который, стыдясь своей наготы, зарылся в песок и говорил: «О, Моисей, помолись, чтобы Господь Всевышний дал мне хлеб мой насущный: умираю я от нужды». Помолился Моисей, мир да будет с ним, чтоб Господь даровал ему помощь. Несколько дней спустя вернулся Моисей после беседы с Господом и увидел, что тот человек связан, и собралась вокруг него многочисленная толпа. Спросил он, что это значит. Ответили ему: «Напилился он пьяным, затеял ссору и убил одного человека; теперь ведут его на лобное место».

Появил Моисей, мир да будет с ним, мудрость Создателя, попросил прощения за свою дерзость и прочитал стих из Корана: «Еслиб даровал Господь хлеб рабам своим, стали бы они непокорны на земле»²).

* * *

¹) Араб-бедуин из племен Тай, щедрость которого вошла у мусульман в поговорку.

²) Коран, 42, 26.

Видел я одного бедуина среди ювелиров Басры¹). Рассказывал он: «Однажды заблудился я в пустыне, не осталось у меня ничего из дорожных припасов и готовился я к смерти. Вдруг нашел я мешок, полный жемчуга. Никогда не забуду того восторга и радости, которую я ощутил, думая, что это печеное зерно, и той горечи и безнадежности, которая охватила меня, когда я узнал, что это жемчуг».

В пустыне сухой, среди сыпучих песков,
Жемчужина ракушке жалкой равна.
Тому безразлично, кто сбился с пути,
Что в поясе, злато иль глина одна.

* * *

Рассказывают, что один уродливый нищий скопил огромное богатство. Один из царей сказал ему: «Кажется, ты обладаешь несметным богатством, а у меня есть важное дело. Если ты сможешь мне и одолжишь часть его, то возвратят тебе деньги, когда поступит подать с провинций». — «О, повелитель», отвечал он: «не подобает могучей царской власти марать руку своего величия добром такого нищего, как я, собравшего его по немногу». Молвил царь: «Тут беды нету. Отдам я его татарам, ибо «скверное да будет отдано скверным».

Слыхал я, что старался он отклонить повеление царя и начал придумывать всякие отговорки и уловки. Царь повелел, чтобы деньги, о которых шла речь, отняли у него силой.

* * *

¹) Город в Месопотамии.

Видел я одного купца, у которого было сто пятьдесят вьючных верблюдов и сорок рабов и прислужников. Однажды вечером, на острове Кише¹⁾, затащил он меня в свою лавку и всю ночь не переставал говорить пустые слова: «В Туркестане есть у меня такой-то товарищ, а такие-то запасы в Индостане, а это бумага купчая на такую-то землю, а за эту сумму поручителем такой-то». То он говорил, что хочет ехать в Александрию²⁾, потому что там хороший воздух, то восклицал: «Нет! западное море опасно, Саади; намерен я совершить одно путешествие, а когда оно будет закончено, остаток жизни буду сидеть в своем углу и брошу торговать». Спросил я: «Какое же это путешествие?» — «Хочу я повезти персидскую пемзу в Китай», отвечал он: «потому что слышал, что ее там дорого ценят, а оттуда повезу китайский фарфор в Грецию, а греческий шелк в Индию, а индийскую сталь в Алеппо, а алеппское стекло в Иемен³⁾, а иеменскую материю в Персию; а после этого я уже перестану путешествовать и засяду в своей лавке». Столько наговорил он таких пустяков, что не хватило у него больше сил болтать и сказал он: «О, Саади! скажи же и ты что-нибудь о том, что видел и слышал». Ответил я:

«Ты слыхал ли, что купец один упал
Посреди пустыни дикой с верблюда
И сказал: «Глаза завистливых людей
Не насытятся до смерти никогда».

* * *

¹⁾ Остров Ормуз в Персидском заливе.

²⁾ Город в Египте.

³⁾ Часть Аравии, на южном полуострове.

Однажды человек, у которого не было ни рук, ни ног, убил тысяченожку. Проходил мимо него один благочестивый муж и воскликнул: Благодарение Господу! было у нее тысяча ног, а когда исполнилась судьба ее, не смогла она спастись от безрукого и безногого».

* * *

Рассказывают, что истомился один борец от превратностей судьбы, пришел жаловаться к отцу на то, что глотка у него широка, да пищи мало, и попросил разрешения поехать попутешествовать: «Быть может, схвачу я силой руки моей полу моего желания».

Отвечал отец: «О, сын! выгони из головы избыточные мечты и ступи ногою нетребовательности на подол спокойствия. Говорят великие люди: счастье не в том, чтобы стараться, а в том, чтоб не волноваться».

Сын отвечал: «О, отец! выгоды путешествия велики: радует оно сердце, расширяет познания, доставляет возможность видеть диковинки и слышать о чудесах, созерцать города, беседовать с друзьями, достигать почестей, приобретать образованность, умножать богатство и имущество, находить друзей и привыкать к переменам судьбы».

Отец отвечал: «Да, сын мой! действительно, как ты говоришь, преимущества путешествия велики, но доступны они только пяти разрядам людей: во-первых, купцам, которые, кроме сокровищ и богатств, имеют рабов, прелестных рабынь и расторопных слуг. Каждый день они в другом городе, каждую ночь на другой ночевке,

каждое мгновение, созерцая другую местность, добывают мирские блага. Во-вторых, ученому, которому, благодаря его сладким речам, силе красноречия и капиталу велеречия, куда бы он ни пошел, все готовы служить, которого все осыпают почестями. В-третьих, красавцу, к общению с которым стремятся сердца всех разумных людей, дружбу которого считают счастьем, а службу благодатью, ибо, говорят, лучше немного красоты, чем много богатства: красота пластырь для больного сердца и ключ к закрытым дверям. В-четвертых, певцу, обладающему красивым голосом, который гортанью Давида заставляет останавливаться течение рек и полет птиц. Благодаря этому качеству, пленяет он людские сердца, а разумные люди стремятся к его обществу. В-пятых, ремесленнику, который добывает хлеб насущный трудом рук своих, чтобы не марать своей чести из-за пропитания. — Кто обладает такими свойствами, какие я описал, для тех они в путешествии являются причиною довольства и поводом к благоденствию, но кто не принадлежит к этим разрядам, те пойдут в мир за пустой мечтою и в другой раз уже никто не услышит имени их или рассказов о них».

«О отец», отвечал сын: «могу ли я противиться словам ученых, которые говорят: хотя хлеб насущный и распределен, но следует пытаться приобрести то, что способствует получению его; хотя горести и предназначены, но следует сторониться дверей, откуда они входят. Я обладаю такой силой, что могу помериться с разъяренным слоном, могу сразиться со свирепым львом. Лучше всего для меня предпринять путешествие, потому что нет у меня более терпения выносить нужду».

Сказал он это, попросил у отца благословения, простился с ним и пустился в путь. Слышали, как он, уходя, повторял:

«Коль мудрому там, где он жил не везет,
Туда, где не знают его, он идет».

Пришел он на берег реки, которая мощью своей бросала камень на камень, и увидел там толпу людей, которые, заплатив по мелкой монетке, сидели на пароме, сложив на нем дорожные пожитки свои. Не имел юноша возможности заплатить и раскрыл уста просьбы. Но сколько он ни просил, не слушали его и повторяли:

«Без золота, мой друг, не справишься ни с кем,
А если деньги есть, тогда не надо силы».

Один бесстыжий матрос смеялся над ним и говорил:

«Если денег нет, ты силой по реке не поплывешь,
Силы страшной нам не надо, лучше золота
давай».

Сжалось у юноши от этого издевательства сердце и захотел он отомстить. Паром уже отошел; тогда он крикнул: «Если удовлетворишься ты той одеждой, которая на мне, отказа не будет». Захотелось матросу получить одежду и повернул он назад паром. Когда юноша смог достать рукой до бороды и воротника матроса, подтянул он его к себе и безжалостно ударил об землю. Подбежал на помощь с ладьи его товарищ, но, увидев такое насилие, повернул назад. Решили, что лучше всего будет с ним примириться, пустить его на ладью бесплатно и пуститься с ним вместе в путь.

Стали они просить у него прощения за то, что случилось, упали к его ногам, начали лицемерно целовать его в голову и лицо, привели на ладью и поехали. Добрались они до колонны, стоявшей посреди воды, остатка от построек греков. Матрос сказал: «Потекла ладья. Надо, чтоб тот из вас, кто сильнее, отважнее и смелее, стал на эту колонну и подержал канат ладьи, а мы пока починим ее». Юноша, похваляясь своей силой, не постерегся оскорбленного врага и не вспомнил изречения мудрецов, которые говорят: если ты кого-нибудь обидел, то даже если ты окажешь ему потом сотню удовольствий, остерегайся его возмездия за одну обиду; можно вынуть наконечник стрелы из раны, а обида остается в сердце.

Когда намотал он себе на руку канат ладьи и вскочил на колонну, матрос вырвал у него из рук канат и толкнул ладью, и остался там стоять несчастный в смятении. День или два терпел он бедствие и переносил усталость, а на третий день схватил его за ворот сон, упал он в реку и через сутки был выброшен на берег. Осталось в нем еще чуточку жизни, начал он есть листья деревьев и собирать корни трав, набрался немного сил и пустился в пустыню. Шел, терзаясь голодом и жаждой, пока, измученный, не пришел к колодцу. Увидел он, что вокруг него собрался народ и дают напиться за пещиз¹⁾. Не было у юноши и пещиза, попросил он воды, — отказали, попробовал взять силой, — не удалось; нескольких человек он сбил с ног, но большинство набросилось на него, беспощадно избили и изранили.

¹⁾ Самая мелкая монета.

По необходимости, измученный и израненный, пристал он к каравану и пошел с ним. Ночью добрались они до места, где водились разбойники. Увидел он, что трясет караванщиков и готовятся они к смерти, и сказал: «Не тревожьтесь, я с вами, а я один справлюсь с пятьюдесятью человеками, а другие юноши мне еще помогут».

Успокоились люди, услышав похвалу его, обрадовались его обществу и предложили ему своей дорожной еды и воды. Горело у юноши пламя в желудке, съел он с удовольствием несколько кусков, выпил несколько глотков воды, так что успокоился див¹⁾ его внутренностей, охватил его сон и заснул он.

Был с караваном один опытный, выдавший мир старец; он сказал: «Эх, друзья боюсь я этого сторожа вашего больше, чем разбойников. Вот рассказывают, что скопил один бедуин немного денег. Ночью, от страха перед ворами, не мог он заснуть в одиночестве и привел к себе одного из друзей, чтобы рассеять его близостью страх одиночества. Несколько ночей тот провел с ним, пока не узнал об его деньгах, тогда похитил их и скрылся. На утро увидели, что бедуин плачет и рыдает, и спросили: «В чем дело, уж не унес ли у тебя вор деньги?» — «Нет», отвечал он: «Клянусь Богом, но сторож унес». Почему вы знаете, друзья мои, не из сообщества ли разбойников этот юноша и не забрался ли к нам из хитрости, чтобы в удобное мгновение оповестить своих товарищей? По-моему, лучше всего оставить его спящим и уехать».

¹⁾ Демон, злой дух.

Одобрили юноши совет старца и закрались к ним в сердце опасения насчет борца. Навьючили они скорб и покинули юношу спящим. Узнал он об этом только тогда, когда солнце начало жечь ему плечи. Поднял он голову и увидел, что караван ушел. Долго он бродил, никуда не приходя, и, наконец, страдая от жажды и голода, припал лицом к земле, стал готовиться к смерти и говорил:

«Со странником тот обойдется жестоко,
Кто сам не бывал на чужбине далекой».

Говорил он эти слова, а в это время царский сын, в погоне за дичью покинувший свою свиту, подехал к нему и услышал такие речи. Взглянул он ему в лицо, нашел его благообразным и стал расспрашивать о его бедственном положении: «Откуда ты и как попал в это место?»

Поведал он часть того, что стряслось над ним. Сжалился над ним царский сын, подарил ему почетное платье, осыпал милостями и поехал вместе с ним, так что вернулся он снова в свой город.

Обрадовался отец, увидев его, воздал хвалы за то, что он цел и невредим. Под вечер начал он рассказывать отцу, что с ним случилось, о событии с ладбей, низости матроса и крестьян и предательстве караванщиков. Отец сказал: «Эх, сын мой, не говорил ли я тебе, когда ты уходил, что у тех, у кого пусто в руках, связана рука смелости, сломана десница отваги?»

Сын отвечал: «О, отец, все же, пока не терпишь мук, не получишь и клада; пока не рискнешь жизнью, не победишь врага, а пока не рассыпешь зерна, не снимешь жатвы. Немного

я претерпел, а какой клад добыл, испытал укол жала, а сколько меду добыл. Нижний жернов не движется, но все же несет он великую тяжесть».

Отец сказал: «Да, сын мой, на этот раз помогла тебе судьба; счастье твое, что роза твоя была очищена от шипов и вырван терновник; пришел к тебе покровитель, одарил тебя, сжалился над тобой и расспросил о твоей судьбе. Но совпадение это произошло случайно, а из случайности нельзя делать вывода, чтобы другой раз с таким расчетом не ходить вокруг силка.

«Так, у одного из персидских царей был драгоценный камень в перстне. Однажды вышел он, чтобы поразвлечься с несколькими из приближенных, на молитвенное место Шираза и повелел, чтобы перстень укрепили на куполе Аду-да¹⁾, и чтобы тому, кто попадет стрелой в отверстие перстня достался этот перстень. Собралось четыреста лучников, служивших ему, пускали стрелы и ни один не попал. Случайно мальчик в это время развлекался тем, что пускал для забавы с крыши сарая во все стороны стрелы. Весенний ветер понес его стрелу и попала она в отверстие кольца. Подарили ему перстень и почетное платье, осыпали милостями, а мальчик после этого сжег и лук и стрелы. Спросили его, зачем он это сделал. «Чтобы осталась за мной прежняя слава», отвечал он.

* * *

Слышал я про одного дервиша, который поселился в пещере, закрыл свою дверь для всего мира; перед оком разума его не оставалось у царей и султанов величия.

¹⁾ Мечеть имени шаха Адуд-уд-Доуле, правившего в Персии в 978—983 по Р. Хр.

Один из царей той стороны дал ему знать, что столь велика, мол, моя любовь к совершенствам святых людей, что хотел бы я поделиться с тобой хлебом и солью. Шейх дал свое согласие, потому что исполнять просьбы соответствует заветам Пророка. На другой день прибыл царь на поклон к нему. Отшельник встал, обнял царя, обошелся с ним ласково и стал прославлять его. Когда царь удалился, один из подвижников шейха спросил: «Такая любезность, какую ты проявил сегодня по отношению к царю, противоречит твоим обыкновениям, что этому причиной?» Отвечал он: «Разве не слышал ты, что говорят:

«За чьим столом, ты, друг, сидишь,
Тому служить ты должен».

* * *

Ухо может целый век существовать
И при этом звука арфы не слышать.
Любоваться садом дивным глаз наш рад,
Проживет и не видав таких усад.
Коль подушки с мягким пухом не найти,
Ты поспишь на камне жестком по пути.
Коль красotka не обнимется с тобой,
Можешь сам обняться, милый друг, с собой.
Только чрево неразумное всегда
Непокладливо, — нужна ему еда.

Глава четвертая.

О пользе молчаливости.

Сказал я одному из друзей: «Я потому предпочитаю воздерживаться от речей, что в большинстве случаев соединяется в словах и хорошее и худое, а глаз врагов увидит только одно дурное». — «О, брат мой», отвечал он: «лучше, чтобы враг и не видал добра».

* * *

Потерпел один купец убытку на сто динаров и сказал своему сыну: «Никому ты не должен говорить этого». Тот отвечал: «Отец, я выполню твое приказание и ничего не скажу, только сообщи мне, какую пользу это принесет и почему лучше скрывать это». — «Чтобы не постигли нас две беды», сказал отец: «во-первых, потеря денег, а во-вторых, злорадство соседей».

* * *

Однажды, разумный юноша, обладавший значительной долей совершенства в науках и возвышенным нравом, сидел в собрании мудрецов, но не говорил ни слова. И сказал ему отец:

сын мой, почему ты тоже не скажешь о том, что знаешь?» — «Боюсь», отвечал он: «что спросят меня о том, чего я не знаю, и придется мне устыдиться».

* * *

Увидел Гален¹⁾ однажды невежду, который схватил за ворот ученого и грубо обошелся с ним, и сказал: «Если бы он был ученым, не дошел бы он до такого обращения от неуча».

Негодяй один кого-то изругал,
Тот, его покорно выслушав, сказал:
«Милый друг, на деле много хуже я,
Лучше знаю я себя, чем ты меня».

* * *

Слышал я, как один ученый говорил: «Никогда никто не признается в своем невежестве, кроме того, кто, слушая, как говорит другой, не дает ему кончить и сам начинает речь».

* * *

Несколько слуг султана Махмуда спросили Хасана Мейменди²⁾: «Что сказал тебе сегодня султан по поводу такого-то дела?» — «От вас это тоже не скрыто», отвечал он. «Ты советник царства», сказали они: «то, что он говорит тебе, он не считает возможным говорить нам подобным». — «Доверяет он мне, потому что знает, что я не скажу этого никому», отвечал он, «следовательно, зачем же вы спрашиваете».

¹⁾ Известный врач, живший с 131—201 г. по Р. Х. в Александрии и Риме.

²⁾ Молочный брат упомянутого султана.

Болтать не будет мудрый, язык придержит свой,
Царей поведав тайну, простишься с головой.

* * *

Один из поэтов пошел к эмиру воров¹⁾ и стал читать ему хвалебные стихи. Тот приказал, чтобы сняли с него одежду и выгнали его вон из деревни. Напали на него собаки, хотел он поднять камень, но земля была обледеневшей и не смог он сделать этого. Тогда он воскликнул: «Что за проклятые люди! собак выпускают, а камни привязывают!» Услышал это эмир с балкона, засмеялся и сказал: «Потребуй от меня, чего хочешь, о, мудрец». — «Хочу я мою одежду», отвечал тот, «если ты будешь столь милостив и подаришь мне ее».

Смилостивился над ним предводитель воров, отдал одежду и прибавил к этому еще кожух и немного денег.

* * *

Пришел домой звездочет и увидел, что какой-то чужой человек сидит с его женой. Изругал он его, начал поносить, и поднялась суматоха и потасовка. Узнал об этом мудрец и сказал:

«На сфере небесной ты, друг мой, читаешь,
Того же, что в доме твоём, ты не знаешь».

* * *

Один хатиб²⁾, отличавшийся скверным голосом, вообразил, что у него прекрасный голос, и стал безо всякого толку кричать во все горло.

¹⁾ Т. е. атаману разбойников.

²⁾ Хатиб — тот, кто во время пятничного богослужения в мечети возглашает хутбу, т. е. возгласение имени халифа, нечто вроде нашей ектении.

Ты сказал бы, что в звуках его голоса слышалось карканье ворона или что к нему приложили стих Корана: «а самый скверный из голосов, это голос осла»¹⁾.

Жители той деревни, по причине сана его, переносили это мучение, пока один из хатибов этой страны, питавший к нему в тайне вражду, не приехал навестить его и не сказал: «Видел я тебя во сне, да послужит это тебе на благо». — «Что же ты видел?» спросил тот. — «Видел я, что у тебя прекрасный голос и что всем людям он доставляет наслаждение». Пораздумал немного хатиб и сказал: «Что за благословенный сон видел ты, ты указал мне на мой недостаток. Понял я, что у меня скверный голос и что люди страдают от него. Теперь я покаюсь и впредь буду петь потихоньку».

* * *

Некий человек в мечети Синджарийе²⁾ добровольно призывал к намазу таким неприятным голосом, который у всех слушателей вызывал отвращение. Мечеть эта принадлежала эмиру справедливому и добродетельному; не захотел он обижать его и сказал: «О, юноша, есть в этой мечети прежние муэззины³⁾, я им плачу каждому по пять динаров, тебе же я дам десять, чтобы ты ушел в другое место».

Тот согласился на это и ушел. Через несколько времени пришел он вновь к эмиру и сказал: «О, повелитель, обидел ты меня тем, что вы-

¹⁾ Коран, 31, 18.

²⁾ Синджар, город в Месопотамии.

³⁾ Духовная особа, которая призывает в определенные часы мусульман к молитве.

гнал меня из этой местности за десять динаров. Там, куда я пошел, мне теперь дают двадцать, только бы я ушел в другое место, да я не беру». Эмир засмеялся и сказал: «Смотри же, не бери, они согласятся и на пятьдесят».

* * *

Человек со скверным голосом во все горло читал Коран. Проходил мимо мудрец и спросил: «Сколько тебе платят в месяц?» — «Ничего», отвечал тот. — «Так чего же ты утруждаешь себя?» — «Читаю я ради Бога», отвечал тот. — «Ради Бога не читай», сказал мудрец.

«Ты голосом гнусным читаешь Коран
И губишь тем веру у всех мусульман».

Глава пятая.

О любви и юности.

Сказали Хасану Мейменди¹⁾: «У султана Махмуда много прекрасных рабов, из которых каждый является редкостью своего времени. Почему же ни к кому из них он не питает такой склонности и любви, как к Аязу²⁾, который вовсе не красивее других?» — «Все, что проникает в сердце, кажется глазу прекрасным»; отвечал он.

* * *

Говорят, что был у одного купца раб замечательной красоты; любил он этого раба и был привязан к нему. Как-то сказал он одному из друзей: «Как жаль, что этот раб, при такой красоте и прелести, болтлив и невоспитан». — «О, брат мой», — отвечал тот, — «если признаешь ты дружбу, не жди дружбы; ибо между возлюбленными исчезают господин и слуга».

* * *

Видел я одного почтенного мужа, который был пленен любовью к кому-то. Вышла его тайна из-под покрова наружу, но сколько он ни

¹⁾ Советник султана Махмуда Газиевида.

²⁾ Любимый раб султана Махмуда Газиевида.

слышал упреков, сколько ни переносил мучений, не мог он отделаться от этой пламенной страсти.

Однажды стал я корить его и сказал: «Что стало с твоим высоким разумом, что овладела им низкая страсть?» Погрузился он в раздумье и затем сказал:

«Где царь любви появится могучий,
Там мощь и сила больше не поможет.
Кто погрузился в грязь по самый ворот,
Тот чистым сохранить подол не может».

* * *

Помню я, как однажды вечером вошел ко мне в дверь дорогой друг. Так неожиданно вскочил я с места, что рукавом своим погасил светильник.

Ночью друг мой пришел и, явившись,
Разогнал он тотчас же несчастье.
Был судьбой поражен я такою,
И воскликнул: вот дивное счастье!

Сел он и начал журить меня: «Зачем же ты погасил светоч, когда увидел меня?» — «Думал я, что солнце взошло», отвечал я.

* * *

Помню я, что в прошлые дни я и мой друг были как два зерна миндаля в одной скорлупе. Как-то понадобилось мне уехать, и когда я после долгого времени вернулся, начал он корить меня: «Чтож ты за это время не прислал мне

гонца?» — «Не хотелось мне», отвечал я, «чтобы глаза гонца насладились твоей красою, когда я был лишен ее».

* * *

Посадили попугая в клетку с вороном. Неприятно было попугаю смотреть на отвратительного ворона и говорил он: «Что за скверный вид, ненавистная наружность, проклятое зрелище и несообразные качества. О, ворон, если бы от меня до тебя было дальше, чем от востока до запада».

Но было еще удивительнее, что ворон от соседства попугая грустил и тосковал, взывая к Богу, роптал на ход судьбы, потирал руки отчаяния и повторял: «Что за печальная участь, низменный удел, что за превратность судьбы. Подобаает мне прогуливаться с вороной на стене сада; какое же преступление совершил я, что судьба в наказание за него заключила меня в такие горестные цепи вместе с этим самолюбивым глупцом, чужим для меня невеждой?»

А привел я эту притчу, дабы ты знал, что для глупца в сто раз отвратительнее мудрец, чем для мудреца глупец.

* * *

Была у одного человека красавица жена. Умерла она и осталась из-за приданого в доме мать ее, дряхлая старушка. Отвратительно было ему ее общество, но из-за приданого не мог он отделаться от нее. Спросил его кто-то из друзей: «Как ты переносишь разлуку с дорогим другом?» — «Не так трудно мне не видеть жену», отвечал он, «как трудно видеть ее мать».

* * *

Однажды человек, одетый в рубище, шел вместе с караваном из Хиджаза. Один из арабских эмиров подарил ему сто динаров, чтобы мог он израсходовать их на семью. Внезапно напали на караван разбойники и дочиста ограбили его. Начали караванщики рыдать и стонать, издавая бесполезные вопли о помощи. Но дервиш оставался попрежнему спокоен, нисколько не изменился. Спросил я: «Разве не отняли у тебя денег?» — «Отняли», отвечал он, «только я вовсе не так дружил с этими деньгами, чтобы горевать о разлуке с ними».

Сказал я: «Соответствует то, что ты говоришь, моему положению, ибо во времена юности был я привязан к одному юноше, любил его так искренно, что красота его была Кыблой¹⁾ для моих глаз, а свиданье с ним процентами с капитала моей жизни».

«Внезапно поскользнулась нога существования его на глине смерти и дым разлуки поднялся от семьи его. Несколько дней провел я у праха его. Вот некоторые из строк, которые я написал по поводу разлуки с ним:

«Еслиб в тот день, когда шип смерти тебя поразил,
Тяжкий погибели меч голову мне отрубил!
Лучше бы мира мой глаз боле не видел век,
Я возле праха сию. Прахом посыплю главу».

«После разлуки с ним принял я окончательное решение, что на всю жизнь сверну ковер страсти и не буду искать сближения ни с кем».

* * *

¹⁾ То место, по направлению к которому мусульмане кланяются во время молитвы.

Одному из арабских царей рассказали историю Лейлы и Меджнуна¹⁾, сообщили о его безумии, как он при всех своих совершенствах и красноречии ушел в пустыню и выпустил из рук поводья воли. Повелел царь, чтобы привели Меджнуна, и начал бранить его: «Какой недостаток видел ты в чести быть человеком, что стал жить, как животное, и отказался от человеческого образа жизни?» Застонал Меджнун и сказал:

«Меня друзья корили за страстную любовь,
Ее хоть раз увидев, простили бы меня».

Захотелось царю посмотреть на красоту Лейлы, чтобы проверить истинность его утверждения и узнать, каков же облик той, которая вызывает такое смятение. Дал он приказание, стали искать, ездили по арабским племенам, нашли и привезли к царю во двор его дворца. Взглянул на нее царь и увидел смуглую девушку слабого телосложения. Ничтожной показалась она ему, потому что последняя из рабынь его гарема превосходила ее красотой и прелестью. Понял это Меджнун и молвил: «О, царь, надо глядеть на красоту Лейлы очами Меджнуна, чтобы созерцание ее произвело на тебя полное впечатление».

¹⁾ Двое влюбленных, история которых служила излюбленным сюжетом арабской и персидской литературы.

Глава шестая.

О дряхлости и старости.

Рассказывают, что один старец женился на девушке, разукрасил цветами комнату, уединился с женой и, привязавшись к ней глазами и сердцем, не спал долгие ночи. Говорил он ей изящные и остроумные шутки, надеясь, что, быть может, перестанет она питать к нему отвращение и привяжется к нему. Как-то ночью говорил он ей: «Благосклонна была к тебе великая судьба, взирал на тебя глаз счастья, что попала ты в общество старца образованного, выдавшего мир, испытавшего и холодную и жаркую судьбу, научившегося и добродетели и злу: знает он обязанности дружбы, выполняет условия любви, ласков и приветлив, и сладкоречив.

Рад навсегда тебе сердце мое я отдать,
Если меня ты обидишь, не стану тебя обижать.
Сахаром сладким, как попка, ты будешь питать-

ся, мой друг:

Сладкую душу отдаст тебе с радостью нежный
супруг.

«Счастье твое, что не досталась ты юноше; самовлюбленному, неразумному, вспыльчивому, легкомысленному, который каждое мгновение

питает новое желание, каждую минуту задумывает что-нибудь новое, каждую ночь спит в другом месте, каждый день заключает дружбу с другим человеком.

«Старцы, напротив, проводят жизнь разумно и умело, а не так глупо, как юноши.

«Лучшего друга ищи, милый мой, чем ты сам по себе,
Счастьем считай, что ты редко бываешь с подобным тебе».

Рассказывал он: «Так много говорил я ей подобных вещей, что, наконец, уверился, что сердце ее попало ко мне в оковы и стала она моей добычей. Внезапно испустила она холодный вздох из горестного сердца и молвила: «Все эти слова, которые ты наговорил, на весах моего разума не равняются весу одного слова, которое я слыхала от добрых людей. Лучше молодой жене, чтобы сидела у ней стрела в боку, чем чтобы сидел у нее старик под боком».

Короче сказать, не оказалась возможной дружба, и кончилось дело разлукой. Когда прошел законный срок¹⁾, выдали ее замуж за юношу, хмурого, бедного и злого. Увидела она притеснение и насилие, переносила беды и горести и воздавала хвалы за милость Господа, восклицая: «Благодарение Господу, что освободилась я от этого мучительного наказания и добилась такого устойчивого счастья».

* * *

¹⁾ По мусульманскому праву, жена, разведенная с мужем, имеет право выйти вторично лишь по истечении известного срока (4 мес. 10 дней), который называется «иддет».

Был в нашем веселом кружке один юноша, ловкий, остроумный, смеющийся и сладкоречивый. Ничто не вызывало в его сердце скорби, никогда не складывались в мрачную гримасу его смеющиеся губы. Некоторое время не случалось нам встречаться. Затем уже свиделся я с ним, когда он женился и обзавелся детьми. Подрезан был корень радости его, увяла роза веселья. Спросил я его: «Что это значит?» — «Когда нажил я себе ребят», отвечал он, «уже не время для ребячества».

* * *

Как-то раз крикнул я из юношеской глупости на свою мать. Огорчилась она, села в угол и, рыдая, сказала: «Забыл ты разве детство, что стал теперь грубым?»

Сыну прекрасно сказала старушка, Видя, что стал он силен и могуч:
«Разве забыл ты счастливое детство?
Я на руках, ведь, носила тебя.
В те времена ты б меня не обидел,
Стал ты героем — стара стала я...»

* * *

Заболел у скупого богача сын и сказали ему доброжелатели: «Лучше всего прочитав весь Коран¹⁾ или принести жертву скотом. Быть может, благодаря такому обряду подарит ему Господь Всевышний исцеление». Подумал немного скупой и сказал: «Лучше прочитав Коран,

¹⁾ Обряд, заменяющий некоторым образом наш молебен.

ибо он под рукой, а стадо далеко». Услыхал это один мудрец и молвил: «Потому ему больше по душе чтение Корана, что Коран на конце языка, а золото в самой душе».

* * *

Сказали старику: «Почему ты не женишься?» — «Не доставляют мне старухи удовольствия», отвечал он. — «Возьми молодую жену, раз есть у тебя возможность». — «Мне, старику», отвечал он, «не весело со старухами, как же может она, молодая, подружиться со мной стариком».

Глава седьмая.

О влиянии воспитания.

Был у одного визиря глупый сын и послал он его к ученому с тем, чтобы тот воспитал его: быть может, и станет он разумным. Долгое время учил его мудрец, но толку не было. Послал он сказать отцу: «Не стал он разумным, но меня самого сделал дураком».

* * *

Мудрец воспитывал царского сына; был он его нещадно и притеснял свыше всякой меры. Однажды не стерпел мальчик, пошел жаловаться отцу и поднял одежды с избитого тела. Разгневался отец, призвал учителя и сказал: «Такое насилие и поношение ты не мог бы позволить себе даже над сыном кого-нибудь из подданных моих, по какой же причине поступаешь ты так с моим сыном?» — «Каждому человеку», отвечал тот, «надо говорить слова обдуманно, надо совершать действия похвальные, в особенности же царям, ибо все, что совершают и говорят цари, несомненно будет разнесено молвою, речи же и дела, простого народа не имеют такого значения».

«Если дервиш сто проступков совершит,
То друзья и одного не будут знать.
Если ж царь дурное дело совершит,
Будут страны все об этом вспоминать.

«Поэтому при воспитании царских сыновей
надо прилагать большее рвение, чем при обуче-
нии сыновей простого люда.

«Кого ты в детстве нравам добрым не учил,
Тот вырастет и грубияном станет.
Сырую ветку ты, как хочешь, так согнешь,
Сухая лишь в огне прямою станет.
Будешь гнуть сырую ветку, — сможешь
выпрямить ее:

А сухую гни, как хочешь, — толку мало от
того».

Понравились царю мудрые рассуждения на-
ставника и речи его, подарил он ему почетную
одежду, осыпал милостями и сделал его сан бо-
лее высоким, чем раньше.

* * *

Видел я учителя одной школы грамоты в афри-
канской стране, отличавшегося кислым видом,
горькими речами и скверным нравом, оскорбляв-
шего людей, завистливого и невоздержанного;
когда мусульмане видели его, пропадал их по-
кой, а когда он читал Коран, это заставляло чер-
неть сердца людей. У чистых мальчиков и не-
тронутых девочек, находившихся в его плену,
исчезала охота смеяться и желание говорить. То
он давал одному пощечину по серебристой
щечке, то придавливал другому хрустальную
пожку.

В конце концов, как я слышал, стала извест-
ной всем его злобность, побили его и выгнали,
а школу его передали доброму человеку, миро-
любивому и благочестивому, хорошему и крот-
кому. Не говорил он, если не было необходимо-
сти, и никогда не срывалось с его языка оскор-
бительного для кого-нибудь замечания. Вылетел
из головы у детей страх перед первым учи-
телем, увидели они ангельский нрав нового на-
ставника и стали друг другу демонами, пола-
гаясь на кротость его, перестали учиться, боль-
шую часть времени сидели вместе и играли и,
не заботясь о грифельной доске, разбивали ее
об головы друг друга.

Если строгости в школе учитель не знает,
На базаре ребята в «медведя» играют.

Через две недели проходил я мимо дверей
той мечети и увидел опять первого учителя.
Смягчили его ласкою и привели на прежнее ме-
сто. Воззвал я к справедливости и, прибегая ко
Господу, сказал: «Зачем дьявола вновь сделали
учителем ангелов?»

Услышал это один старец, выдавший мир, за-
смеялся и молвил: «Разве ты не слышал, что го-
ворят:

«Сына царь какой-то в школу посылал,
Лист посеребренный он ему давал,
Надпись золотая на листе была:
«Лучше злой учитель, чем отца хвала».

* * *

Дал царь своего сына учителю и сказал: «Это
твой сын; воспитывай его, как одного из своих
сыновей». Год старался над ним учитель и не
было толку, а его собственные сыновья в это

время отличались в совершенствах и красноречии. Разбранил царь учителя и сказал: «Поступил ты обратно обещанию, не сдержал обета верности». — «О, повелитель!» отвечал тот, «воспитание было одинаковым, да способности-то различные».

* * *

Слышал я, как один из старцев-наставников говорил ученику: «Если бы разум сына человеческого был так привязан к Подателю хлеба настоящего, как он привязан к самому хлебу, стал бы он саном превыше ангелов».

* * *

Слышал я, как один бедуин говорил своему сыну: «О, сын мой, поистине спросят тебя в День Воскресения, что ты сделал, но не спросят, от кого ты происходишь», то-есть, тебя спросят в чем твои заслуги, а не будут говорить, кто твой отец.

* * *

В сочинениях ученых говорится, что скорпионы не рождаются так, как обычно рождаются прочие животные, но съедают внутренности матери, разрывая ее чрево и выходят в пустыню, а те шкурки, которые можно видеть в норках скорпионов, следы этого рождения. Однажды рассказывал я это одному вельможе. Тот молвил: «Сердце мое свидетельствует о правдивости этого рассказа и иначе и быть не должно. Кто в детстве совершает такой поступок над отцом и матерью, тех, несомненно, когда они вырастут, встречают и любят как скорпионов».

* * *

Спросили скорпиона: «Почему ты зимой не выходишь?» — «Велико ко мне почтение летом», отвечал он, «чтоб еще выходить и зимою».

* * *

Заболели у человека глаза и пошел он к ветеринару, чтобы тот полечил его. Втер ему в глаза ветеринар то, что втирал в глаза четвероногом, и больной ослеп. Пошел он с тяжбой к судье; тот сказал: «Нельзя требовать с него вознаграждения, еслиб ты не был ослом, не пошел бы к ветеринару».

А цель этих слов показать, что всякий, кто поручит важное дело неучу будет раскаиваться и у разумных людей будет считаться легкомысленным.

* * *

Был у вельможи хороший сын. Умер отец и спросили, что написать на памятнике отца. Отвечал сын: «Стихи славной Книги¹⁾ слишком величавы и достойны, чтобы можно было позволить себе написать их на таком месте, где их стирает время, где ходят люди и поднимают ногу собаки. Если необходимо, чтобы вы что-нибудь написали, довольно этих двух стихов:

«Когда зелень весной распустилась в садах,
Что за радость для сердца была моего.
Друг, весною к могиле приди и взгляни,
Что за зелень из праха выросла моего».

¹⁾ Т. е. Корана.

* * *

Проходил благочестивый человек мимо богача и увидел, что тот связал рабу руки и ноги и называет его. Молвил он: «О, сын мой, тварь подобную тебе, Господь, велик и славен да будет Он, сделал пленником твоих повелений, дал тебе перед ним преимущество. Вознеси же хвалу за милость Господа Всевышнего и не считай дозволенным так притеснять раба, не должно, чтобы завтра, в День Воскресения, раб этот стал выше тебя и пришлось тебе устыдиться».

«Гневом таким на раба не пылай,
Карой жестокой его не карай,
Деньги истратив, его ты кушил,
Но, ведь, не сам ты его сотворил.
Сильной считаешь ты слабую плоть,
Помни, тебя величавей Господь.
Думаешь ты, что сильнее тебя нет,
Вспомни же лучше Господень завет».

«Передают, по преданию от Пророка (мир да будет с ним), что величайшим горем в День Воскресения будет то, что верного раба введут в рай, а злого господина ввергнут в ад».

* * *

Однажды совершал я путешествие из Балха¹⁾ в Бамнан²⁾. Путь был полон опасности от разбойников, и был со мной, в качестве телохранителя, один юноша, игравший щитом, стрелявший из лука, умевший обращаться с оружием и столь сильный, что десять мощных человек не могли натянуть его лука, и все силачи lika земли не

¹⁾ Область в северном Афганистане.

²⁾ Местность в Афганистане к востоку от Кабула.

могли бы пригнуть его спиной к земле. Однако, был он изнеженным, избалованным, не видал мира, не совершал путешествий, не долетал до его слуха гром барабана героев и не видывал он молнии меча всадников.

Вражьем пленником он не бывал,
Ливня из стрел он в бою не видал.

Шли мы вместе с этим юношей и каждую старую стену, которая попадалась по пути, он опрокидывал силой своей руки, каждое могучее дерево, которое видел, вырывал мощью своей длани и, похваляясь, говорил так:

«Где слон? пускай он взглянет на героя.
Где лев? пускай он мощь его увидит!»

Так мы шли, а в это время высунули головы из-за камня два индийца и начали готовиться убить нас: у одного была в руках дубина, а у другого под мышкой праща. Сказал я юноше: «Что ты намерен сделать?»

«Ты доблесть и силу свою покажи,
Пусть враг добровольно в могилу сойдет».

Увидел я, что лук и стрелы выпали из рук юноши, пробрала его дрожь до мозга костей.

Не всякий, кто волос разрежет мечом,
Мощь натиска выдержит страшных врагов.

Не нашли мы ничего лучше, как расстаться с поклажей, оружием и одеждой и спасти свою жизнь.

* * *

Видел я, как сын вельможи сидел на могиле отца и спорил с сыном дервиша: «Гробница моего отца из камня, надписи на ней разноцветные, покрыта она плитой, высеченной из мрамора, и украшена бирюзой, а что такое могила твоего

отца? Собрали два-три кирпича, да посыпали сверху горсть земли». Выслушал это сын дервиша и отвечал: «Умолкни, если завтра настанет День Воскресения, пока отец твой выберется из-под всех этих тяжелых камней, мой отец уже войдет в рай. Говорят, что смерть бедняков от-дых: нет у них ничего, с чем бы им было грустно расстаться».

* * *

Спросил я одного мудреца о значении такой хадисы: самый злейший из врагов твоих — это страсть, которая в теле твоём. Отвечал он: «Сказано это, потому что всякий враг, которому ты окажешь благодеяние, станет твоим другом, кроме страсти, которая станет тем враждебнее, чем больше ты будешь ублажать ее».

* * *

Прения Саади по вопросу богача и нищего.

Видел я в одном обществе человека, по виду походившего на дервишей, но не обладавшего их свойствами; начал он злобствовать, раскрыл тетрадь жалоб и стал поносить богачей. Дошла речь до того, что у дервишей связана рука щедрости, а у богачей сломана нога доброй воли.

Нету у щедрых в руках ни гроша,
Щедрости нет у богатых зато.

Так как я вскормлен щедротами богачей, не понравились мне эти речи и сказал я: «Друг мой, богачи это доход нищих, капитал отшельников, цель паломников, убежище странников, поддержка несущих ношу. Ради довольства дру-

гих протягивают они руку к пище только тогда, когда поедят их родственники и подчиненные, а избыток щедрот их достается вдовам и старцам, родственникам и соседям.

«Может богатый гостей угощать,
Щедрой рукой бедноте помогать;
Можешь ли ты об их счастье мечтать,
Если молитвы лишь можешь читать?»

«Сила щедрот и мощь поклонения более доступна богатым, ибо есть у них чистое добро и незапятнанная одежда, честь их в сохранности, сердце лишено забот, а сила повиновения Господу в приятном куске и истина преклонения перед Ним в чистой одежде; но очевидно, что не может быть силы в пустом брюхе, не может быть доблести в пустой руке, не может быть странствия со связанными ногами, нельзя ждать ничего хорошего от голодного желудка.

«Спокойно спать не может тот,
Кто «завтра» своего не знает.
Мураш зимою тем живет,
Что он за лето насобирает.

«Довольство несоединимо с нищетою, а спокойствие несовместимо с бедностью: если один начинает читать вечернюю молитву, а другой сидит и ожидает ужина, разве они могут быть похожи друг на друга?»

«О Боге может сытый размышлять,
Голодный может только горевать.

«Поэтому преклонение их ближе к приятию, ибо спокойны они и довольны, а не смущены и не удручены, и, покончив с делами мирскими, могут перейти к смиренным молитвам. Арабы говорят: прибегаю я ко Господу от гнетущей пищи и соседства того, кого я не люблю. Говорят также, что бедность — позор в обоих мирах».

Отвечал он: «Разве ты не слышал, что сказал Пророк (мир да будет с ним): бедность — это моя гордость?»

«Умолкни», отвечал я: «ибо Господин Мира указывал на бедность тех, кто является людьми ристалища благоволения Господня и покорности стрелам судьбы, а не тех, кто одевает рубище святых и продает полученное подавание.

«Дервиш без познания не успокоится, пока бедность его не окончится неверием, ибо «бедность — это почти неверие». Одеть нагого, стараться об освобождении заключенных можно только обладая богатством; как же могут сыны нашего рода достигнуть их сана? как может сравниться рука дающего с рукой берущего? Разве ты не видишь, что Господь, велик и славен да будет Он, в премудрости откровения своего дает весть о блаженстве «обитателей рая» и будут им назначены плоды вместо хлеба насущного и будут они почтены в садах блаженства¹⁾. Знай же, что тот, кто печется о земном достатке, лишен счастья небесного довольства, что сокровище нетребовательности сокрыто под печатью «хлеб насущный».

«Кто жаждой томится, тот грезит во сне, что стала водою вселенная вся.

¹⁾ Слова Корана 37, 40—42.

«Где бы ты не увидел человека, страдающего от нужды и вкушающего горечь ее, всюду предпринимает он из жадности опасные дела, не остерегается последствий их, не страшится наказания в будущем мире и не отличает дозволенного от запрещенного.

«Если в голову собаке пустит мальчик камнем, Вскочит с места та в восторге: верно это кости; Если жадный в переулке гроб увидит мрачный, Скажет он себе тотчас же: стол накрыт для гостя.

«Но кто обладает мирским богатством, на того взирает око споспешествования, того дозволенное охраняет от недозволенного. Допустим, что я не доказал этих слов и не изложил ясных доказательств; однако, полагаю я, что ты никогда не видал, чтобы у обманщика были связаны за плечами руки, должник был заключен в тюрьму, был разорван покров непорочности, или была отрублена кисть от руки по какой-либо другой причине, кроме бедности. Только из-за нужды ловят мужей, сильных как львы, при взломах и переламывают им ноги. Возможно, что нищим овладеет страсть, — тогда, если у него не хватит силы сдержать ее, он впадает в преступление, ибо чрево и страсть — близнецы, то есть сыновья одного чрева, и пока существует одно, действует и другая. Слышал я, что одного дервиша поймали на месте преступления; кроме позора, должен он был опасаться побиения камнями, но он сказал: «О, мусульмане! нет у меня золота, чтобы взять жену, нет и сил для воздержания, что же мне делать? Ведь «нет монашества в Исламе»¹⁾. И одна из причин, по которым богатые люди обладают спокойствием и сосредоточен-

¹⁾ Изречение пророка Мухаммеда.

ностью, это то, что каждую ночь держат они в объятиях красотку, каждый день видят юную красавицу, перед красотой которой ясное утро прижимает руку к сердцу, а нога изящного кипариса вязнет в глине смущения.

«В кровь влюбленных они руки окунают,
Ногти красят в красный цвет они их кровью.

«Не может быть, чтобы, обладая такой красотой, они задумывали запретное или собирались свершить что-нибудь позорное.

«Большая же часть тех, у кого ничего нет, марают подол невинности грехом и как голодные псы крадут хлеб.

«Если мяса алчный пес найдет кусок,
Он не спросит, чье он мясо отыскал.

«Сколько почтенных людей из-за бедности погрязло в пороке и отдало на ветер бесчестия свое честное имя.

«Голод силы осторожности не знает.
У смиренья он поводья вырывает».

Когда я сказал эти слова, выпали повода терпения из рук дервиша, обнажил он меч языка, пустил вскачь коня красноречия на ристалище наглости, бросился на меня и сказал: «Ты так старался описать богачей, столько наговорил пустых слов, что можно предположить, что они противоядие для яда бедности или ключ сокровищницы хлеба насущного. Но на деле это кучка заносчивых гордецов, высокомерных и презирающих народ, занятых своим имуществом и богатством, жаждущих почестей и пышности, которые не могут сказать ни единого обдуманного слова, не могут взглянуть иначе, как с презрением. Смешивают они ученых с нищими,

а бедняков ругают безрукими и безногими. Гордясь своим богатством и воображаемым достоинством, садятся они выше всех и считают себя лучше всех. Нет у них в голове того, чтобы склонить к кому-нибудь голову, и не знают они изречения мудрецов: всякий, кто не велик своей покорностью воле Божьей, но велик богатством, с виду вельможа, а на деле дервиш».

Сказал я: «Не считай дозволенным поносить их, ибо они обладают щедростью».

«Ошибаешься», отвечал он: «рабы они денег. Какая польза в том, что они осенняя туча, если они ни на кого не проливают дождя, что они источник солнца, если они никого не греют, что они сидят на коне мощи, если они не подгоняют его. Не ступят они ради Бога и шагу, не дадут гроша без задержки и обиды; с величайшим трудом копят они богатство, со скаредностью берегут его и с отчаянием расстаются с ним. Говорят мудрецы: тогда появится из земли серебро скупца, когда он нам уйдет под землю.

«Один с трудом великим деньги собирает,
Другой идет и с легкостью их подбирает».

Сказал я: «Узнал ты о скаредности богачей только потому, что был нищим; ибо кому безразлична жадность, для того щедрый и скупой равны. Камень знает, каково золото, а нищий знает, кто скупец».

«Говорю я по опыту», отвечал он: «держат они у дверей слуг, приставляют к ним грубиянов, чтобы не принимали они почтенных людей, хватили за грудь рассудительных рукой насилия и кричали: «Нет никого дома». И, поистине, говорят они правду:

«Если хозяину дома щедрости дар неизвестен,
Верно привратника слово: нет никого в этом
доме».

Сказал я: «Это простительно, ибо терзают их
руки ожидающих подачки, доводят до отчаяния
прошения нищих; и если бы пески пустыни
стали жемчугом, все же было бы невозможно на-
полнить глаза нищих.

«Всеми богатствами мира жадных глаз не на-
полнишь,
Как не наполнить росой глубины колодца.

«Хатем-Тай жил в пустыне, а если бы пришел
он в город, потерял бы он силы от приставания
нищих, сорвали бы ему одежды с тела».

«Чувствую я сострадание к положению бед-
ных», отвечал он.

«Нет», сказал я: «сила богатых заставляет те-
бя терзаться завистью».

Были мы оба полонены такими речами и ста-
рался я отразить каждую пешку, которую он
выдвигал, защитити ферзью каждого короля, ко-
торому он угрожал, пока не растратит он всю
звонкую монету из сумы разума и не выпустит
всех стрел из колчана доказательств.

Наконец, не осталось у него более доказа-
тельств, и победил я его. Тогда он протянул ру-
ку насилия и начал говорить бесполезные слова;
такой обычай глупцов, когда не хватает у них
доказательства перед противником; начинают они
трясти цепь вражды, как Азер, изготовитель идо-
лов, который, когда не мог привести своему сы-
ну доказательства, перешел к насилию и сказал,
как говорит Господь Всевышний: «Если не пере-

станешь ты, побью я тебя камнями»¹⁾. Начал он
браниться — я отвечал резко, разорвал мне ворот
— схватил я его за бороду.

Он меня схватил, а я схватил его,
Люди тут со всех сторон, смеясь, бежали.
Удивлялась нам вселенная сама,
Люди все такому спору поражались.

В конце концов, пошли мы с этим делом к ка-
ди и решили удовлетвориться справедливым
приговором, чтобы судья мусульман нашел исти-
ну и рассудил между богатыми и бедными. Ко-
гда кади поглядел на наши лица и выслушал на-
ши речи, склонил он голову на грудь размышле-
ния, затем после долгого раздумья поднял ее и
сказал: «О, ты, который восхваляешь богачей и
считаешь возможным позорить нищих, знай, что
у каждой розы есть шипы, после каждого опья-
нения бывает похмелье, на кладе лежит змея,
там, где бывает царственный жемчуг, водится и
пожирающий людей крокодил; за сладостью
мирских утех следует укол шипа смерти, а рай-
ское блаженство окружено стеной страданий.

«Тот, кто друга ищет, от врага пусть терпит,—
Клад и змей, и шип и роза вечно вместе.

«Разве ты не видишь, что в саду есть и аро-
матная ива и сухое дерево? Так и среди богачей
есть благодарные, а есть и неверующие и в кру-
гу нищих есть терпеливые, а есть и удрученные.

«Ближе всех к особе Господа, велик и славен
да будет Он, — богачи, ведущие образ жизни ни-
щих, и нищие, обладающие разумом богачей;

¹⁾ Слова Корана 19, 47. По Корану Азер, идолопо-
клонник — отец Авраама. Приведенные слова он
говорит ему, когда тот увещевает его отвратиться от
поклонения идолам.

лучший же среди богачей тот, кто скорбит о дервишах, а лучший из нищих тот, кто не прибегает к богачам. Сказал Господь Всевышний: а кто уповает на Бога, тому достаточно и Его»¹⁾).

Затем обратил он от меня лицо упрека к дервишу и сказал: «О, ты, который утверждаешь, что богачи заняты запрещенными делами и опьянены пороком. Да, есть такие люди, о которых ты говоришь, слабоумные и неблагодарные; собирают они и прячут, сами не пользуются и другим не дают. Если перестанут идти дожди или наводнение разорит мир, полагаются они на богатство свое и не спрашивают о страданиях бедных, не страшатся Господа Всевышнего.

«Есть такие люди, каких я описал, но есть и другие, накрывающие стол щедрот, рассылающие милостивые приглашения и смиренно взирающие; ищут они доброго имени и прощения грехов, обладают и этой и будущей жизнью, как рабы Великого царя мира, которому спешествует Господь, помогая ему и защищая его от врага, держащего в руке поводя всего мира, защитника границ Ислама, наследника царства Соломона, справедливейшего из царей времени, победоносного в вере, Абу Бекра Са'да ибн Зенги, да продлит Господь дни его и защитит войска его».

Когда кади дошел до этих слов и конь рассуждения его перескочил через границы нашего представления, мы по необходимости должны были принять его приговор, забыть все, что случилось, пойти путем примирения и забвения, склонить голову прощения друг другу к ногам и поцеловать друг друга в голову и лицо.

¹⁾ Слова Корана 65, 2.

А окончанием наших речей были такие стихи:
Не жалуйся, дервиш, на ход событий в мире,
Печально будет, если в горе ты умрешь.
А ты, богач, твои свершаются желанья,
Ты помни, что с собой богатств не унесешь.

Глава восьмая.

Об искусстве обращения с людьми.

Богатство для улады в жизни, а жизнь не для того, чтобы копить богатства.

Спросили мудреца, кто счастлив и что такое несчастье. «Счастлив, кто пользовался и посеял», отвечал он: «несчастлив, кто умер и оставил все, что накопил».

* * *

Два человека бесплодно трудились и без пользы старались: тот, кто копил богатство и не пользовался им, и тот, кто учился наукам, но не применял их.

* * *

Государство становится прекрасным благодаря мудрым людям, религия становится совершенной благодаря людям богобоязненным. Цари более нуждаются в советах мудрецов, чем мудрецы в приближении к царям.

Услышь ты совет мой, о, царь справедливый
Совета ты лучше нигде не найдешь,
Давай назначения лишь людям разумным,
Страны своей счастье ты так соблюдешь.

* * *

Три вещи не могут быть устойчивыми без трех других: богатство без торговли, наука без ученых споров и государство без кары. Милловать злых значит притеснять добрых, а прощать притеснителей значит угнетать притесненных.

* * *

Не следует доверять дружбе царей и прельщаться прекрасным голосом детей, ибо первая может исчезнуть по одному подозрению, а другой меняется за одну ночь.

Тому, кого тысячи любят,
Ты сердца, мой друг, не давай.
А если отдашь свое сердце,
Утратишь его, это знай.

* * *

Ни одной тайны не доверяй другу, потому что ты не можешь знать, не станет ли он тебе когда-нибудь врагом, и не причиняй врагу того зла, которое можешь сделать, ибо может быть, станет он тебе со временем другом. Тайну, которую хочешь сохранить, не сообщай никому, даже человеку, заслуживающему доверия, ибо никто не будет хранить твоей тайны лучше тебя самого.

* * *

Слабый враг, проявляя покорность и притворяясь другом, желает только стать мощным врагом; говорят, нельзя доверять дружбе друзей, какое же может быть доверие лести врагов? Кто считает ничтожным маленького врага, похож на того, кто не обращает внимание на маленький огонек.

* * *

Если ты колеблешься, предпринимая дело,
выбирай то, что безопасней.

Кто ласков с тобой, с тем ты резок не будь,
Кто с миром пришел, ты того не гони.

* * *

Если можно сделать дело с помощью золота,
не следует подвергаться опасности, ибо арабы
говорят: после хитростей — меч.

* * *

Не милуй слабого врага, ибо если он станет
мощным, он тебя не помилует.

* * *

Кто убьет злого, освободит людей от вреда
его, а самого его спасет от Господней кары.

* * *

Два разряда людей — враги государства и ве-
ры: царь без кротости и отшельник без позна-
ний.

* * *

Человек дурного нрава пойман в руке своего
врага: куда бы он ни пошел, он не уйдет от ког-
тей своей кары.

* * *

Когда враг исчерпает все хитрости, он начи-
нает потрясать цепью дружбы. Следовательно,
старается он тогда стать другом, когда не мо-
жет быть врагом.

* * *

Убивай змею рукой врага, ибо одно из преиму-
ществ тебе достанется.

Если враг победит, то змею ты убил,
Если змей победит, ты врага победил.

* * *

Если ты знаешь, что неприятное известие мо-
жет ранить чье-нибудь сердце, молчи и дай со-
общить его другому.

* * *

Не сообщай царю о чьем-нибудь предатель-
стве, если только ты не уверен, что он поверит
тебе; в противном случае, ты стараешься о соб-
ственной гибели.

* * *

Тот, кто дает упрямцу совет, сам нуждается в
совете. Не поддавайся на обман врага и не по-
купай славословий у льстеца; один расставил
сеть хитрости, а другой раскрыл глотку жад-
ности

* * *

Если кто-нибудь не укажет на недостатки го-
ворящему, не станет речь его совершенной.

* * *

Каждому человеку разум его кажется совер-
шенным, а дети его прекрасными.

* * *

Десять человек едят за одним столом, а две
собаки не управятся с одной падалью; жадному
дай целый мир и он будет голодным, а нетребо-
вательный сыт и от куска хлеба. Богач тот, кто
воздержан, а не тот, у кого большое богатство.

* * *

Сатана не связывается с чистыми, а цари с простым людом.

* * *

Что скоро делается, то не длится долго. Говорят ученые: неустойчиво скорое счастье.

Слышал я, что в восточных странах дальних,
За сорок лет одну лишь лепят вазу.

Суди же сам о их цене в Багдаде:

Там за день сотню их закончат сразу.

* * *

Только терпеливый закончит дело, а торопливый упадет.

* * *

Для невежды нет ничего лучше молчания; но если бы он знал, что для него лучше всего, не был бы он невеждой.

* * *

Кто начнет спорить с тем кто умнее его, что бы знали, что он мудрец, покажет, что он невежда.

* * *

Не вскрывай тайны недостатков людей, ибо их ты не опозоришь, а сам утратишь доверие. Кто учился наукам и не применяет их, похож на того, кто пахал, но не сеет. Не дожидаться добрых дел от бессердечного тела, а скорлупа без зерна плохой товар. Не всякий, кто проворен в споре, ловок и на деле.

* * *

Не всякий, кто по наружному виду хорош, живет по хорошему, ибо дело делает душа, а не кожа.

* * *

Кто спорит с вельможами, проливает свою же кровь.

Себя ты великим считаешь.

Косой все ведь видит вдвойне.

Ты лоб разобьешь себе скоро,

С бараном затеяв игру.

* * *

Рука против льва и кулак против меча — не дело разумных.

* * *

Слабый, дерзнув пойти против сильного, помогает врагу погубить себя.

* * *

Кто не слушает совета, услышит укор.

Советам моим ты не хочешь внимать.

Прибью я тебя, а ты должен молчать.

* * *

Неразумные не могут видеть разумных, как базарные собаки, когда завидят собаку охотничью, поднимают лай, а подойти не смеют.

* * *

Если бы не было мук голода, ни одна птица не попадала бы в силки, да и охотник не расставлял бы силков.

Чрево руки вяжет, сковывает ногу,

Тот, кто чреву служит, редко служит Богу.

* * *

Если мудрец попадет к глупцам, не должен он ждать от них почета, а если глупец болтовней своей победит мудреца, это неудивительно — камнем можно расколоть алмаз.

* * *

Если мудрецу среди невоспитанных людей не удастся сказать слова, не удивляйся: звук лютни не слышен во время грохота барабана, а аромат амбры пропадает от вони чеснока.

* * *

Если драгоценный камень упадет в грязь, он сохранит свою ценность, а если пыль поднимется к небесам, она попрежнему останется ничтожной. — Жалко, когда способности пропадают без поддержки, но пагубна поддержка неспособного. — Пепел обладает славным происхождением, потому что огонь — высшая драгоценность, но так как он сам по себе не имеет ценности, — равен он пыли. — Не из-за тростника дорог сахар, а по причине своих собственных качеств.

* * *

Мускус — то, что обладает ароматом, а не то, о чем москательщик утверждает, что это мускус. — Мудрец подобен лотку москательщика: молчаливо показывает свои совершенства; а глупец, как походный барабан: обладает громким голосом, а внутри пуст и ничтожен.

* * *

Разум находится в плену у страсти, как слабый муж в руках у хитрой жены.

Если женщины голос в доме раздается,
Ты веселия двери скорей закрывай.

* * *

Мудрость без силы — хитрость и обман, а сила без мудрости — глупость и безумие.

* * *

Щедрый человек, который сам пользуется и дает другим, лучше смиренного, который постыдится, не пользуется и прячет.

Кто удерживает страсти, чтобы понравиться людям, из дозволенной страсти впал в страсть недовольную.

* * *

Ученый не должен мягко относиться к грубости простого человека, так как это приносит пагубу обеим сторонам: уменьшается почет одного и увеличивается глупость другого.

* * *

Нельзя одобрить грех, кто бы не совершил его, если же его совершают ученые, это еще непростительнее, потому что наука — оружие для борьбы с сатаной, а если возьмут в плен вооруженного, позор его тем больше.

* * *

Кто при жизни не давал людям своего хлеба, того после смерти не будут вспоминать. — Во время засухи в Египте не ел Иосиф Верный, мир да будет с ним, досыта, чтобы не забывать о голодных.

Сладость винограда бедная вдова знает лучше, чем его владелец.

* * *

Не спрашивай слабого дервиша в год голода и засухи, как он поживает, если ты при этом не положишь бальзама на его раны и не дашь ему денег.

* * *

Две вещи невозможны: зарабатывать больше, чем тебе назначено, и умереть раньше, чем предназначено.

* * *

О, ты, ищущий хлеба насущного, сядь и пользуйся им. О, ты, человек, которого ищет смерть, не беги, ибо ты не уйдешь от нее.

* * *

Что не назначено, того рука не достанет, а что назначено, то она достанет повсюду.

* * *

Скверный богат — кирпич, украшенный золотом, а хороший бедняк — красавец, выпачканный в земле. Один — это заплатанное рубище Моисея, а другой — изукрашенная жемчугом борода фараона.

* * *

Ученик без желания учиться — это влюбленный без золота, странник без познания, птица без крыльев; ученый без трудов — дерево без плодов, а отшельник без знания — дом без дверей.

Цель ниспослания Корана была та, чтобы люди жили благочестиво, а не та, чтобы они красиво читали какую-нибудь главу его.

Простой человек, ведущий святой образ жизни, — это шагающий путник, а распутный ученый — заснувший всадник.

Грешник, смиренно подымающий руки, — лучше святоши, подымающего голову.

* * *

У двух людей не уходит из сердца скорбь, не поднимается из глины нога разочарования: у купца, ладья которого разбилась, и у наследника, окруженного нищенствующими монахами.

* * *

Хотя одежды султана почетны, но свое поношенное платье почетнее, хотя стол богачей и сладок, еда из собственной сумы слаще.

* * *

Противно здравому смыслу и несовместно с заветами мудрецов глотать подозрительное зелье и идти без каравана по неизвестному пути.

Наставника Мухаммеда, ибн Мухаммеда Газзали¹⁾, да помилует его Господь, спросили, как он достиг такой высокой степени в науках. «Потому что не стыдился я спрашивать о том, чего не знал», отвечал он.

* * *

Если кто-нибудь водится с порочными людьми, то даже в том случае если не оставят в нем следа их обычаи, будут подозревать его в их поступках; точно также, если кто-нибудь идет в трактир, всякий скажет, что он идет пить вино, а не совершать молитву.

* * *

Как известно, кротость верблюда столь велика, что ребенок может взять его за повод и повести за сто фарсангов²⁾, и он не будет стараться высвободить свою шею. Но если верблюд придет к опасному месту, которое могло бы стать причиной гибели его, а ребенок по незнанию захотел бы пойти туда, вырвет верблюда у него из рук повод и другой раз уже не будет слушаться, ибо в то время, когда нужна

¹⁾ Знаменитый арабский философ, умер в 1111 или 1112 г. по Р. Хр.

²⁾ Мера длины неопределенной величины, от 5—10 в. Собственно говоря, то расстояние, которое по данной дороге можно проехать в час.

суровость, мягкость неуместна. Говорят, что мягкостью не сделаешь врага другом, а только увеличишь его притязания.

* * *

Была у меня рана под платьем. Шейх мой каждый день спрашивал меня, как моя рана, но никогда не спрашивал, где она. Понял я, что остерегается он этого, потому что не о всяком члене тела уместно говорить, а мудрые люди сказали: «Кто не взвешивает вопроса, того покоробит от ответа».

* * *

Ложь подобна тяжкому удару; если рана и заживает, рубец останется. Так как братья Иосифа, мир да будет с ним, запятнали себя ложью, то и правдивым словам их не доверяли. Сказал Господь Всевышний: «Хотя соблазнила вас душа на это дело, но терпение — лучшая вещь»¹⁾.

* * *

Высшее из творений, очевидно, человек, а низшее — собака, но мудрецы единодушно утверждают, что благодарная собака лучше неблагодарного человека.

* * *

В Евангелии сказано: «О, сын Адама, если дам я тебе богатство, забудешь ты меня с богатством твоим, а если сделаю тебя нищим, будешь ты сидеть удрученным: когда же сможешь ты найти усладу в воспоминании обо мне и когда поторопишься поклониться мне?»

Заносчив и горд ты в богатстве,
А в бедности грустен всегда;
Таков ты и в счастье и в бедах,
А Богу покорен когда?

* * *

¹⁾ Коран, 12, 18.

Небо дает земле дождь, а земля небу пыль. Из каждого сосуда протекает то, что в нем налито.

* * *

Говорил дервиш в молитве: «О, Господи, сжался над злыми, ибо добрым ты уже проявил свое милосердие тем, что создал их добрыми».

* * *

Первым, кто ввел нашивки на рукавах и кольцо на пальце, был Джемшид¹⁾. Спросили его: «Почему все драгоценности и украшения у тебя на левой стороне, когда правая сторона лучше?» — «Правой достаточно того украшения, что она правая», отвечал он.

* * *

Спросили вельможу: «Правая рука обладает такими совершенствами; почему же перстень носят на левой?» Отвечал он: «Разве ты не знаешь, что достойных людей всегда лишают отличий».

* * *

Спросили мудреца: «Из стольких превосходных деревьев, созданных Господом Всевышним, высоких и плодородных, ни одного не называют «свободным», кроме кипариса, у которого не бывает плодов; почему это так?» — «Каждому дереву», отвечал он, «назначена своя доля и установлено свое время. Когда настанет пора, оно зелено, когда пройдет, — вянет; кипарису же нет дела до таких вещей, во всякое время он зелен, и потому и называют его свободным».

¹⁾ Один из мифических царей древней Персии.

Окончание книги.

Закончена книга «Цветник Роз» с помощью Господа! И в сочинении этом не спивал я путем заимствования заплатаков из стихов предшественников, как это обычно делают писатели.

Лучше старый кафтан свой украсив носить,
Чем чужое роскошное платье просить.

Большая часть речей Саади возбуждает радость и вызывает веселье. По этой причине близкие люди высывают язык попрека и говорят: понапрасну утруждать свой мозг и без пользы глотать дым от свечка—не дело разумных. Но от просвещенного мнения мудрецов, к которым и обращены его речи, не сокрыто, что жемчужины полезных увещаний нанизаны на нить изящных рассуждений, а горькое лекарство совета смешано с медом остроумия, чтобы природа читателя не отвратилась и книга не лишилась счастья быть прочитанной.

Совет мы добрый в этой книге изложили

И много дней труда на это положили.

Пусть не внемлет слову разум зачерствелый,
Гонец доставил весть, свое он сделал дело.

Перевод с персидского

Е. Бертельса.

БИБЛИОГРАФИЯ.

О Саади по-русски существует только одно ученое исследование (магистерская диссертация):

И. Холмогоров. Шейх Мослехуддин Саади Ширазский и его значение в истории персидской литературы. Казань 1867 г. (Из „Ученых Записок Казанского Университета“, 1865—66 гг.).

О „Гюлистане“ существует одна брошюра, написанная на основании неизданного перевода „Гюлистана“ А. Казембека:

Ю. Богусевич. Гюлистан. Спб. 1857. (Из „Сборника, изданного студентами Спб. университета“).

Русские переводы „Гюлистана“, изданные отдельно, принадлежат следующим лицам:

С. Назарьянц. Розовый кустарник. М. 1857.

К. Ламброс. Гюлистан. Одесса. 1862.

И. Холмогоров. Гюлистан. М. 1882.

Многие русские поэты, старые и новые, перелагали отрывки из „Гюлистана“ в стихи; напр., Д. П. Ознобишин (Делибюрадер), Ф. Миллер, В. Величко, К. Фофанов, С. Уманец и др.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие С. Ольденбурга	5—17
Глава первая. О свойствах царей . . .	18—38
Глава вторая. О нравах дервишей . . .	39—52
Глава третья. О спокойствии и счастье довольства	53—68
Глава четвертая. О пользе молчали- вости	69—73
Глава пятая. О любви и юности	74—78
Глава шестая. О дряхлости и старости .	79—82
Глава седьмая. О влиянии воспитания .	83—99
Глава восьмая. Об искусстве обращения с людьми	100—113
Окончание книги	111
Библиография	112
